

Владимир Орестов

ЭОБ ДРА

Annotation

Когда-то Леонид думал, что в его жизни есть только одна странность – предчувствие смерти другого человека. Это помогло ему стать хорошим врачом. Но всё рушится в одночасье... Теперь он вынужден отправиться в путь в другой мир, чтобы спасти себя. Всё ли, что ему известно – правда? И не является ли он просто пешкой, разменной монетой в чужой игре, охватывающей множество столетий и миров?

Владимир Орестов

Эобара

Вступление

В тот же год, когда шею Леонида украсил безобразный чёрный след от ожога, он начал видеть один и тот же повторяющийся сон. Станный, пугающий, наполненный шёпотом мёртвых звёзд и пронизывающим холодом пустоты.

Снилось ему, что он лежит... или стоит, а, впрочем, может и летит в каком-то бесконечном тёмном пространстве, единственный свет в котором исходит от миллионов, нет, миллиардов нитей.

Тонких и толстых, порой серебристо-стальных, порой желтовато-белёсых, переплетающихся между собой, образующих сеть невообразимых размеров, похожую на гигантскую паутину.

С возрастом сон начал приходить всё реже и к окончанию школы, казалось, навсегда оставил Леонида. Тот и не жалел: в пятнадцать лет у него было множество гораздо более важных дел, чем какие-то там глупые, пугающие сны.

Воспоминания о ночных кошмарах пробудились у него на пятом курсе института, а окончательно он вспомнил эти сны в канун двадцатилетия, когда всего за одну короткую неделю вся его жизнь распалась на пепел и чёрные хлопья.

Вспомнил он и вопрос, не дававший ему покоя с детства, когда он раз за разом оказывался бессильно висющим посреди гигантской паутины:

Где паук?

Ведь любая паутина немыслима без паука.

1. 1881 год

Окно было наполовину открыто, и ветер всюду трудился, забрасывая снег в комнату. На паркете уже вырос порядочный сугроб.

Пётр резко сел в кровати. Не помешала даже головная боль, тут же пылающими клещами впившаяся в виски. Перед тем, как лечь спать – он проверял окно. Оно было заперто.

Ночью, закрыв на засов дверь и для надёжности подперев её стулом, он обошёл комнату по кругу, проверил все шпингалеты и по два раза дёрнул за каждую ручку. Последние безумные дни только эти простые ритуалы не давали ему сойти с ума. Или же...

Взгляд налево, направо – голова взорвалась болью, но это было неважно, главное, что в убогой комнате, снятой на последние оставшиеся у него деньги, никого не было.

Никого видимого.

Пётр выпутался из вороха грязных, пропитанных потом простыней, встал с кровати. Холодный ветер ударил по голым ногам.

Первым делом он направился не к окну, а к двери. Засов был опущен.

Окно же было открыто, а на паркете можно было разглядеть короткую цепочку мокрых следов, заканчивающуюся у кровати.

Надо было бежать. Надо было спастись. Снова, в который раз за последнюю неделю, нестись куда-то, прятаться, скрываться. То есть следовать тем самым путём, который и привёл его в эти пропахшие клопами и керосином меблированные комнаты на рабочей окраине столицы.

Абсолютно нерезультативным путём, о чём свидетельствовали отпечатки ног на паркете.

Надо было бежать, но у него не было на это никаких сил.

Пётр коротко пискнул – болезненно и отчаянно, как лиса в капкане с перебитой лапой, и на негнущихся ногах приблизился к следам.

Некто в остроносых ботинках открыл запертое изнутри окно, находящееся на третьем этаже, подошёл к кровати, некоторое время простоял там, глядя на спящего, и тем же путём покинул здание, случайно или по какому-то умыслу, не затворив за собой ставню.

Пётр всхлипнул и ещё раз оглядел убогую комнату. Странно, но сводивший его с ума страх: беспричинный, жгучий, древний ужас, заставивший его бежать, не оглядываясь, из родного имения в Тулу, затем в Москву и после сюда, неожиданно затих и успокоился, словно бы самое страшное уже произошло, и можно было уже ничего не бояться.

Кто-то простоял над его телом и ушёл.

Передумал? Побрезговал?

Порыв ветра стукнул открытым окном. Пётр подпрыгнул на месте и в очередной раз пискнул, теперь уже, как подстреленный заяц.

Медленно, на цыпочках он подошёл к окну и, набрав воздуха, одним резким движением, сторбившись и опёршись на подоконник, выглянул наружу.

В столицу пришли ранние заморозки и Лиговский проспект, слившийся с затейливым узором инея, выглядел чуждо и непривычно. Какой-то человек в сером матросском бушлате, стоял напротив дома и, задрав голову, смотрел на его окна.

Поймав или скорее почувствовав взгляд, незнакомец быстро отступил в тень.

Неважно. Главное Пётр увидел – на ногах человека в бушлате были простые рабочие башмаки с квадратными, не острыми носами.

Захлопнув с грохотом окно, он, покачиваясь, как пьяный, вернулся к кровати, тяжело сел и прислушался к своим ощущениям.

Страх не возвращался. Следы на паркете уже были практически не различимы – грязь, да талая вода – не более того.

Кем бы ни было существо, навестившее его в ночи – ангелом ли, чёртом ли, оно не стало ничего делать, а просто ушло.

Ушло, что-то забрав с собой.

Пётр резко выдохнул, утёр выступившую на лбу испарину.

В этот момент вся его жизнь разрушилась окончательно...

...с оглушительным грохотом рухнула входная дверь, вырванная одним ударом вместе с засовом и петлями.

На пороге стояло чудовище.

В чёрных обрывках ткани, из-под которых выглядывало совершенно не человеческое, покрытое слизью и сверкающее хитином тело, можно было узнать матросский бушлат.

Пётр метнулся к окну, но было уже поздно.

2. Наше время

Старик с культей спал.

Левая рука сжимала правое предплечье – то место, где косою багровой чертой проходил шрам. Словно кто-то отсёк ненужную кисть, а затем небрежно зашил рану. Много лет назад. Или даже много веков назад.

Старик спал, и сны его были страшны.

Все за исключением одного.

Как обычно, пробуждение было ужасным. Густой, как желе воздух с трудом проходил в узкую щель горла.

С хрустом согнулось левое колено. Втягивая со свистом воздух, Читающий Вероятности поднялся с кушетки.

Дышать у распахнутого окна было чуть легче. По сегодняшнему небу величественно плыли четыре маленьких солнца.

Серые губы сами собой сжались в тонкую линию.

«Четыре солнца? Кто-то считает, что это хороший знак. Как по мне – полная чушь».

Негодующе хрустнуло колено – Читающий Вероятности опустился за стол. Он должен был записать всё, что помнил из своего беспокойного сна.

Вероятности, из которых сбудется только одна.

Нити, за которые будут дёргать невидимые кукловоды – его коллеги.

Правый глаз никак не хотел открываться. Писать Читающему Вероятности пришлось, прищурившись и следя за тем, чтобы горячие злые слёзы, капающие из-под закрытого века, не испортили чистый лист бумаги.

Небесно-голубой водопад, текущий снизу-вверх. Болото, чавкающая грязь которого не в силах больше скрывать своих сокровищ – пожелтевших костей и проржавевших кусков железа – неважно... неважно... чушь, ерунда, полуденная грёза...

Парень, стоящий на вершине холма и смотрящий вниз на город, загадочно проступающий сквозь утренний туман. Один. Исключительно один.

«Загадочно? Ха!» – Читающий Вероятности чуть улыбнулся своим мыслям. Он видел этот город каждое утро в своём окне и не находил в нём ничего загадочного.

И другое видение, другая вероятность – тот же город, но горящий тысячами пожаров: обрушающиеся здания, трупы на улицах, расколотая башня Мастерской...

Это казалось невозможным, но таковой была правда. Точнее – один из вариантов будущей, вероятной правды.

Парень мог завершить Полотно, а мог принести Городу гибель.

Барабанные перепонки возмущённо вздрогнули от оглушительного удара в дверь. Уверенной походкой, игнорирующей двери, лестницы и людей, желающих тишины, покоя и забвения, в кабинет ворвался ган Рохбен.

Слишком рыжий. Слишком громкий. Слишком молодой, для своего истинного возраста, сравнимого с возрастом камней, из которых было возведено здание Мастерской.

Покрытая редкими рыжими волосками рука бесцеремонно схватила стопку документов со стола – всё, что принесли позавчерашние кошмары.

– Угу...Ксалита... Агатова Империя... – хмыкнул ган Рохбен. – Этому дрянному миру есть место в Полотне?

Читающий Вероятности пожал плечами. Правый глаз наконец-то открылся. Последняя, самая горячая слеза упала на стол и расплылась мутной лужицей.

– Неважно, всё это неважно, – ган швырнул бумаги обратно. – Ты проверил всё ещё раз?

– Да.

Если голос Рохбена был громом, то его – шелестом умирающей библиотечной мышки, забившейся в самую глубь заброшенных архивов.

– И? – глаза гана сузились.

– Всё так же, как было, – кивнул головой Читающий Вероятности.

Лицо гана переменилось. Он некоторое время смотрел не мигая перед собой, а затем

тяжело опустился на стул.

– Проверь всё ещё раз, – необычным для себя, практически тихим голосом, попросил Рохбен. – Ещё раз. Может быть, ты что-то не увидел. Отдельно проверь всё, что связано с твоим бывшим учеником.

Лицо Читающего Вероятности дёрнулось, словно ему залепили пощёчину.

«Оказывается, ты ещё можешь испытывать сильные эмоции? Остаётся только понять – хорошо это или плохо».

Рохбен перевёл взгляд на окно:

– Как странно всё складывается, – задумчивым голосом сказал он, обращаясь не то к старику в кресле, не то, скорее, к четырём светилам в небе. – От слабейшего из нас, от маленькой трусливой свиньи зависит будущее Полотна.

Он резко обернулся:

– Проверь всё ещё раз!

Читающий Вероятности кивнул. Обтянутый серой кожей подбородок зашёлся дрожью.

Хорошо. Он проверит всё в сотый раз, заляжет в убийственный, пожирающий память и личность сон на целые сутки, но проверит будущее ещё раз, чтобы получить такой же результат, как и всегда. В конце концов – делать-то ему больше нечего.

Луч одного из солнц ударил его в правый глаз, и горячая непрошенная слеза потекла по впалой щеке.

Рохбен поморщился и цокнул зубом:

– Читающий... Мне страшно на это смотреть. Я же старше тебя! А ведь всего полстолетия назад ты был ещё... – взгляд гана скользнул по контурной карте вен на левой кисти, – в полном порядке. Злой и весёлый. Молодой и полный сил. Помнишь, как мы смеялись, глядя на то, как поля Арзамии тонут в потоках лавы?

Читающий Вероятности промолчал. Культя почему-то зашлась мелкой дрожью. Это не укрылось от глаза гана – он покачал головой:

– Надеюсь, ты всё ещё понимаешь, насколько нам важен этот мальчик. Надеюсь, ты доживёшь до конца. Немного ведь осталось... – как бы сам себе сказал Рохбен, отвернувшись к окну.

Старик ничего не ответил. Несмотря на открытое окно в комнате было слишком мало воздуха, чтобы тратить его на бессмысленные слова.

– Проверь всё ещё раз, – Рохбен поднялся и, не прощаясь, покинул кабинет. Громыкнула дверь.

Судя по всему, сразу после ухода гана, Читающий Вероятности задремал.

Во всяком случае, когда он открыл глаза, в кабинете он вновь был не один.

Смутно знакомый мужчина неопределённого возраста, с чёрными кудрявыми волосами и острым лисьим лицом, сидел напротив и разглядывал его с весёлой и немного злой улыбкой.

Мысли с огромным трудом ворочались в голове.

«Кто это? Что он делает в моём кабинете? Как он посмел зайти сюда...»

Читающий Вероятности открыл рот, но не успел ничего сказать. С поразительной скоростью мужчина выбросил вперёд правую руку. Раскалённый палец ткнулся в морщинистый лоб, и Читающий Вероятности заснул вновь.

Глава 1 Всепобеждающая сила энтропии

Понедельник, десятое октября

1. Кто-то уронил на кафельный пол пакет молока, а затем наступил на него, залив содержимым подход к молочному отделу. Убирать лужу никто не спешил.

Леонида это не особо удивило, он давно уже понял, что энтропия и хаос побеждают всегда.

Можно сделать дорогостоящий ребрендинг, нарядить кассиров в яркие куртки, а на стенку повесить невнятно-угрожающую табличку про «директора по свежести». Но всё равно рано или поздно (в данном случае рано) энтропия возьмёт своё.

Красные пластиковые щиты покроются граффити, внутри курток окажутся люди с алкогольным анамнезом на лицах, а фотография директора по свежести выцветет и скособоится.

Он с сомнением покосился на стеллаж с молочкой, затем на размеры лужи. Ни перешагнуть, ни перепрыгнуть. Сама судьба однозначно сообщала ему, что не кефир ему нужен сегодняшним вечером.

А знакам судьбы Леонид предпочитал верить. Во всяком случае, в таких обстоятельствах.

Через несколько минут он уже стоял на кассе с тремя бутылками пива, в самом хвосте длинной и крайне неторопливой очереди.

Леонид поднял свободную руку и сделал несколько пассов.

Тебя – телепортируем в соседнюю очередь, соседку – туда же. Ты, мужик, отправляйся-ка домой, даже на расстоянии трёх метров чувствуется, что тебе уже хватит: как минимум на сегодня, а, возможно, и навсегда. Ты – тётка, вернись обратно и выложи пять пачек печенья, куда тебе столько...

Леонид обнаружил, что его игра не осталась незамеченной, видимо ладонью он махал куда более сильно, чем ему казалось. Отпрянувшая на шаг очередь смотрела на него с испуганной брезгливостью – а вдруг ещё в припадке свалится? Леонид сглотнул, подтянул повыше ворот свитера, и отвернулся, сосредоточившись на плакате с директором по свежести.

По носу «директора» ползала сонная осенняя муха, и размышления о глубоком символизме этого действия позволили Леониду отстоять очередь под каменными взглядами соседей и быстро расплатившись, выйти на улицу.

Лёня! Как так можно! Двадцать пять лет мужику, красный диплом, а ведёт себя... – тон, которым Леонид распекал себя, был подозрительно похож на тот, каким обычно говорила ему Надя, когда была не в духе. Лучше от этой мысли не стало. Вздохнув, он поспешил в сторону дома.

Когда Леонид переходил проспект Луначарского, зазвонил телефон:

– Ты как? – коротко спросил Сашка.

Леонид неопределённо пожал плечами (в пакете звякнуло) и также коротко ответил сишлым голосом:

– Потихоньку. С работы иду.

– Настроение? – продолжил допрос друг.

– Нормальное, – слукавил Леонид.

– Больше никаких пьяных звонков в три часа ночи?

– Нет, с этим покончено, – ответ прозвучал не так чтобы убедительно.

Сашка задумчиво хмыкнул в трубку:

– А что же тогда у тебя звенит при ходьбе? Пиво?

– Пиво, – признался сдавшийся Леонид.

На том конце провода вздохнули и также кратко сообщили:

– Жди меня, через час приеду. Домой только заскочу и сразу к тебе.

Леонид покосился на пакет с бутылками и уточнил:

– У меня три пива. На тебя взять или мы будем что-нибудь покрепче?

– Я завтра на холецистэктомию первым ассистентом иду! – в голосе Сашки зазвучала не особо скрытая гордость. – Нельзя мне ничего покрепче... сегодня. Ладно жди, я скоро буду!

Раздались гудки.

На несколько минут Леонид остановился перед пыльной витриной вечно закрытого магазина канцтоваров – ещё одной жертвы всемирной энтропии.

Человек в отражении смотрелся мрачно, а растрёпанные волосы (Надя всегда негодовала по этому поводу...) придавали ему вид дикий и капельку нелепый. Вытянутое породистое лицо («Мне кажется, ты – тайный граф» – опять Надя, но в начале отношений) немного портил мясистый семитский нос, прибывший откуда-то из-за черты оседлости.

Леонид подмигнул отражению и показал тому большой палец: «Держись, мужик, прорвёмся!». Отражение ответило ему тем же, а затем поправило высокий ворот свитера.

С этого ворота всё и началось. Точнее, не началось, а закончилось. Собственно, и не с ворота, а с того, что скрывалось под ним.

Вторник, четвертое октября

2. – Ты знаешь, что когда ты нервничаешь, ты всегда хватаешь себя за шею? – раздражённо спросила Надя, б́ухая в сушилку вымытые тарелки.

Леонид пожал плечами и что-то невразумительное промычал.

– Как бы ты не изворачивался, тебя оно всё равно беспокоит, хоть ты этого не признаёшь!

Леонид почувствовал, как температура на кухне поднялась на несколько градусов, опять хмыкнул что-то и всё же не удержался от того, чтобы дотронуться до шеи, точнее до практически чёрного рубца странной, неправильной формы, начинавшегося чуть ниже кадыка и уходящего вниз, на грудину.

Словно кто-то положил ему на шею три испачканные в угле пальца и с силой надавил.

На самом деле, разумеется, это был рубец от масла.

Кипящего масла.

Брызнувшего с упавшей сковородки.

Упавшей сковородки, которая никогда не падала.

Продолжай так думать. Непременно! – он непроизвольно сжал зубы, не давая запуститься в голове бесконечной песенке: «Падала – не падала, падала – не падала...»

– Тебя так сильно он раздражает? – уточнил Леонид, при этом зная наперёд – что он услышит «нет», и что, конечно же, это «нет» означает «да».

Рубец на шее жениха безумно бесил Надю, как бы она не пыталась скрыть это.

Леонид часто удивлялся, что вообще заставило девушку, повесившую на дверь комнаты график смены постельного белья и использующей для протирки разных поверхностей на

кухне три (три! три, Карл!) разных тряпочки (каждая на своём крючке, разумеется) прожить с ним почти 2 года.

Волосы дыбом, рубашка вечно торчит из-под брюк (спасибо за то, что на работе надо ходить в хирургическом костюме), и тут ещё уродливое пятно на шее – в покере это бы назвали роял флешем. По мнению Леонида, эта комбинация никак не могла «биться» престижной (ха-ха-ха!) работой, личным обаянием и хорошими (теперь уже в голос: ха!) профессиональными перспективами.

Возможно, если бы ожог был в форме квадрата и располагался ровно по срединной линии, Надя не имела бы ничего против него! – мелькнула мысль.

Бух! – тяжёлая суповая тарелка вошла в сушилку с ускорением, достойным Формулы-1.

– Меня НЕ раздражает твой ожог, – как Леонид и ожидал, Надя начала отрицать очевидное. – Я просто беспокоюсь о твоём здоровье. Такой шрам...

– Рубец, – поправил Леонид девушку, заставив ещё одну тарелку громыхнуть об сушилку.

– Рубец, – сердито повторила Надя. – Он может превратиться во что-то плохое...

Не может, – про себя ответил Леонид, – и ты прекрасно об этом знаешь. Он специально, по просьбе Нади, ездил полгода назад в Песочный. Старенький дерматоонколог долго смотрел на рубец, скрёб его, щупал и в итоге даже срезал кусочек для биопсии. Исследование показало отрицательный результат:

– Лет через тридцать начинай за ним поглядывать, – выдал свой вердикт профессор. – Шрам, как шрам. Цвет только не совсем обычный... не занимайся ерундой, коллега!

Леонид вернулся домой с облегчением и кипой бесполезных бумаг, но, как он и опасался, мнение онколога ничего не изменило.

Надя хотела жениха без застёгнутых на все пуговицы рубашек и свитеров с высоким горлом, без некрасивого пятна на шее. Ещё, разумеется, желательно, без вихров на голове и выносящего ежедневно мусор, но, это, как предполагал Леонид, должны были быть следующие части Марлезонского балета, который, как известно, состоял из шестнадцати актов.

– ...почему ты никогда меня не слушаешь и не делаешь, то, что я тебе советую?! – Леонид вынырнул из своих мыслей, но было уже поздно. Температура на кухне поднялась до критической отметки, а несчастливая миска, бывшая в руках девушки, грохнулась на пол, разлетевшись множеством осколков.

И понеслось. От нежелания Леонида делать пластику, чтобы убрать «уродское пятно», разговор незаметно перешёл на его работу, на не начатую кандидатскую, на не вынесенный мусор, и отвалившуюся в ванной плитку...

Где-то в этом месте обычно Надя иссекала, в появившуюся паузу Леонид кое-как вставлял несколько извинений, сам зачастую не понимая зачем: вероятно, просто чтобы понизить уровень звукового воздействия на уши, после чего они мирились, и жизнь продолжала идти своим ходом.

Но в этот раз Надя никак не могла завершить свой список накопившихся претензий и обид. Леонид сидел, смотрел на отколовшийся кусок плитки над раковиной, даже уже не слушая девушку, и молчал. Ни извиняться, ни тем более, спорить, не хотелось. Надоело. Вдобавок, разговор с Сашкой несколько часов назад по поводу свадьбы...

Под ногами захлюпало – струя из крана, попав на перевернутую ложку в мойке, устроила локальный потоп, который, в общем-то, соответствовал внутреннему состоянию Леонида: он уже почти год ощущал себя пассажиром тонущего судна. Собственно, и

предложение руки и сердца было лишь жестом отчаяния в попытках залатать прогнившее днище корабля.

«...А вдруг в порту не найдётся корабля получше? А если это не течь, а просто дождь в трюм накапал? А может, на самом деле надо...»

Да пошло оно... – Леонид встал со стула, перекрыл взбесившийся кран, посмотрел Наде в разъярённые глаза и в нескольких не слишком длинных фразах изложил всё то, что уже так давно хотел сказать.

Через три часа Леонид, сидя за компьютером в непривычно пустой и неуютной комнате (Как половина квартиры может поместиться в один чемодан?!), рассеянно гуглил информацию о режиме работы ЗАГСА, где пылилось теперь уже никому не нужное заявление.

Энтропия одержала очередную победу.

Понедельник, десятое октября

3. Придя домой, Леонид первым делом выдвинулся в лоджию – курить.

С высоты шестнадцатого этажа проспект Луначарского казался замысловатой детской площадкой, по которому сложными траекториями двигались заводные машинки и шли человечки из Lego. Перегнувшись через раму, Леонид посмотрел вдоль дома – машина стояла на месте, где он её и оставил, приехав с работы – прямо напротив въезда во двор. Немыслимой удачей было найти парковочное место так близко к дому в шестом часу вечера. Но ему это удалось.

– Ты – счастливчик! – провозгласил на всю лоджию Леонид и криво ухмыльнулся своему отражению.

Покурив, он прошёл на кухню – к Сашкиному приходу надо было бы разгрести скопившийся за неделю бардак – да, да, та же самая энтропия в действии.

Окинув взглядом кучу посуды на всех поверхностях, уже успевших забыть, каково это, когда тебя протирают разными тряпочками, лужу позавчерашнего кофе на плите, остатки яичницы в сковороде, Леонид почувствовал в полной мере, что он вернулся домой с суточного дежурства. Отягчающим обстоятельством была встреча в кафе с Надей за несколько часов до начала смены, спровоцированная его же ночным звонком, который, в свою очередь, был вызван пятью бутылками пива.

Спокойного разговора не получилось.

Хорошо, что кипятком в лицо не плеснула, – вздохнул Леонид, вспомнив безобразную сцену, и задумчиво включил свет над раковиной. В свете лампочки гора посуды выглядела ещё неприступнее.

В конце концов, Сашка за двадцать лет дружбы видел и не такое, – с некоторым сомнением решил Леонид, заворачивая кран и косясь на часы. А я, как выяснилось вчера – «свинья, слизняк и одновременно стервятник»! Надо соответствовать зоологическому образу!

В кармане завибрировал мобильник. Звонил Павел Петрович, реаниматолог, сменивший Леонида на смене. Скривившись, Леонид поднял трубку.

– Лёнь, иди ты к чёрту! – категорически поприветствовал его коллега. – Откуда ты знал, что к нам Анисимову из ревматологии переведут?!

Леонид скрипнул зубами.

Вы же всё прекрасно знаете, Павел Петрович, – чуть было не ответил он, – К чему этот

цирк! Шёл я вчера днём по больничному коридору, увидел Анисимову, щебечущую на скамейке с соседками, и внезапно осознал, что через двадцать шесть часов свежий тромб в её ногах решит отправиться в небольшое путешествие. Также как неделю назад я осознал, что у вашего Петрихина начнётся острая почечная, если не увеличить объем, а Ивановой, напротив, надо срочно прекратить лить растворы. Два года работаем вместе – можно как-то и обойтись без подобных преамбул!

Но, разумеется, Леонид ничего такого говорить не стал, а только хмыкнул что-то невразумительное и спросил:

– Что с ней?

– Субмассивная ТЭЛА, как будто бы ты не знаешь! – в сердцах воскликнул Павел Петрович. – Сейчас заведующая ревматологией звонила – опять ваш Леонид Николаевич моих пациентов сглазил...

– Дура она, – охарактеризовал Леонид бестолковую и визгливую Катерину Ивановну. Та проигнорировала его вчерашнее настоятельное требование назначить Анисимовой Клексан, сделать экстренное УЗИ вен и дёрнуть хирургов: «Идите в свою реанимацию и не мешайте нам работать, Леонид Николаевич! Какие тромбы – вы её ноги видели?! Как у девочки! Клексан? У неё и так пониженная свёртываемость!»

– Дура, но доктор хороший, – не вполне согласился Павел Петрович.

Несколько мгновений оба врача молчали в трубку.

– А остальные как? – наконец спросил Леонид. Он ни на секунду не поверил, что причиной звонка стала фраза на пересменке: «На терапии в шестой палате лежит Анисимова. Может к вечеру ухудшиться».

– Лёнь, – голос реаниматолога в трубке стал тихим и вкрадчивым. – у Войстрикина какой-то дискомфорт в животе, а ты вчера ему начал Омепразол без причины...

Значит, язва всё-таки открылась, – понял Леонид. Наличие «нехорошей» язвочки в желудке пациента Войстрикина он осознал ещё вчера и начал гастропротекторы в надежде предотвратить кровотечение. Не получилось.

– Там язва, Павел Петрович. Только что открылась. Течёт пока совсем несильно, но, – на мгновение Леонид замолчал и прижал руку к рубцу на шее, – зовите хирургов побыстрее, иначе к ночи....

Выдержав недвусмысленную паузу, Леонид выдохнул и, несмотря на ожидаемую тошноту, возникшую в последние секунды разговора, пошёл в лоджию за очередной порцией никотина.

– Спасибо, – задумчиво пробормотал Павел Петрович. – Ещё, Лёнь, такое дело... – реаниматолог начал говорить совсем медленно, словно бы тянул во рту зажёванную пластинку Орбита: – Вот что ещё я хотел спросить... что с Черчесовым делать? Может, есть у тебя какие-нибудь... э... мысли.

– Тренером сборной России? Медаль дать, – неудачно пошутил Леонид. Ему совершенно не хотелось думать о Черчесове. На том конце трубки шутку оценили молчанием.

Вздыхнув, Леонид приложил руку к рубцу и тут же схватился за раму окна, чтобы не упасть.

Нити... нити... нити... Пульсирующие, белёсо-серебристые... тянущие его куда-то...

Сигарета выпала из разжавшихся пальцев и теперь в стремительном темпе обугливала какую-то газету. Нагнувшись с глухим стоном, как столетний дед, Леонид поднял окурок и затоптал тлеющую бумагу.

Медленно, с трудом поднимая чугунные ноги.

– Лён, ты там? – настороженно спросил Павел Петрович.

– Да... – ответил Леонид, пытаясь заставить язык вернуться на своё законное место по центру рта, и одновременно напоминая лёгким, что они здоровы, хоть и сильно прокурены, а значит – способны дышать. – Здесь.

За окном что-то громыхнуло – будто разом взорвалось несколько десятков «Корсаров», но Леонид не обратил на это никакого внимания – тут бы самому уцелеть!

– Так что с Черчесовым? – Павел Петрович явно начинал сердиться.

Леонид пару раз вдохнул, выдохнул и с трудом отпустил раму.

– Ничего, Павел Петрович. Точнее, всё то, что уже делается.

Павел Петрович вздохнул и рискнул спросить:

– А шансы есть, как ты...э... считаешь?

Нет, – покачал головой Леонид. Шансов ноль.

– Очень небольшие, Павел Петрович.

Реаниматолог ещё раз вздохнул, чертыхнулся и наскоро попрощавшись, повесил трубку. Леонид проверил список вызовов – Сашка не звонил. Прошло уже больше часа.

Дома застрял, как обычно, – предположил Леонид и всё же отправился мыть посуду.

4. Старая майка справилась со всеми поверхностями не хуже легиона тряпочек из специальных материалов. Оглядывая приведённую в порядок кухню, Леонид поймал себя на мысли о том, что неплохо бы всё же убираться регулярно. Не желая терять, столь редкий для него настрой, он, собрал волю в кулак и направился мыть пол в комнате.

Уборка прошла успешно, даже несмотря на то, что в какой-то момент Леонид принялся танцевать со шваброй и изображать Мики-Мауса из «Фантазии», что, разумеется, не способствовало качеству работы, а затем минут десять выгонял из-под дивана что-то страшное, пыльное и, возможно, живое.

Когда битва с поддиванным злом завершилась победой Леонида, выяснилось, что это был всего лишь потерянный носок, причём Надин.

Леонид автоматически закинул носок в бельевую корзину, затем вернулся и переложил предмет одежды в мусорное ведро.

Покосившись на часы, Леонид обнаружил, что уже почти девять. Сашка всё не приезжал и даже не звонил. Это было уже странно.

Леонид вытащил из кармана телефон, набрал Сашкин номер – тот был вне зоны действия сети.

Опять зарядку забыл, растяпа! – мысленно цитируя Надю, отметил он и вытащил из холодильника бутылку пива.

– Тебе же меньше достанется, – сообщил Леонид фотографии на стенке (они с Сашкой в летнем лагере после третьего класса) и, открыв пиво, вышел в лоджию.

На проспекте Луначарского-детской площадке произошли изменения. На перекрёстке с Жукова несколько игрушечных машинок не поделили полосы. Прямо у отбойника, перекосившись на бок, стоял чёрный Пежо с напрочь снесённой мордой, далее застыл КАМАЗ, измятый капот которого придавал грузовику нелепо-недоумённый вид. В кузове КАМАЗа был виден песок.

Разумеется, песок, что ещё возить игрушечным машинкам.

Здесь же играющие дети наставили других красивых машинок – скорую помощь,

пожарку, три автомобиля ДПС.

На тёмном асфальте в свете фар жирно блестело пролившееся моторное масло.

А по центру перекрёстка искорёженной до практически полной неузнаваемости кучей металла, перемешанного с ломаным пластиком, громоздился Сашин «Мини Купер» – никакой не игрушечный, настоящий, со знакомой до боли в глазах чёрной полоской на зелёной крыше.

И Леонид побежал, в тапочках и мокрой футболке. Словно мог ещё что-то изменить. Словно не понимал, кто лежит под чёрным полиэтиленом рядом с изуродованным Купером.

Энтропия нанесла очередной удар.

Глава 2 Два кладбища

Четверг, тринадцатое октября

1. На кладбищах холодно. Всегда. Даже в сорокоградусную жару, откуда не возмись, налетает пробирающий до костей ветер, заставляя застёгивать куртку и ссутуливаться, засовывая руки глубоко в карманы.

А может, не в ветре дело и даже не в кладбище.

Леонид стоял в стороне от основной толпы и тщетно пытался спрятать кисти в рукава куцей осенней куртки. Было очень холодно.

А главное, нельзя было думать. Ни о чём. Любая мысль могла стать триггером, спусковым крючком, ловушкой.

Стоять и смотреть. Не видя.

Вот жирными комьями летит земля из провала в чёрного провала. Затем оттуда вылезают могильщики.

Вот несут гроб. Дорогой, лакированный, закрытый. Главное, что закрытый.

Вот пронзительно закаркала ворона где-то к северу – там, где начинаются старинные надгробья.

Вот кто-то упал в обморок. И надо с одной стороны подойти бы, вроде это Сашкина тётка, – но с другой стороны, здесь – полно врачей, помимо него. Как на утренней конференции: «Коллеги, за сутки – всего один летальный исход».

Вот гроб подносят к провалу в земле, готовят верёвки: старые, грязные, испачканные землёй, повывавшие, наверное, не одну сотню похорон.

Вот его начинают медленно опускать в провал. Слышится глухой стук, будто кто-то захлопнул дверь автомобиля – это гроб достиг дна.

Вот со стороны основной толпы раздаётся вопль, переходящий в вой. Какая-то суматоха. Совершенно неясно, как человек может издавать подобные звуки, но, самое плохое в том, что этот высокий крик странно ассоциируется с детством, когда они с Сашкой после школы ходили обедать друг к другу...

Сашкина мама обычно мыла посуду – в их семье всегда в раковине была гора грязной посуды, и пела что-то на итальянском – красивым, высоким голосом...

Не вижу. Не слышу. Не говорю. Не думаю.

Вот рабочие деловито трамбуют землю.

Вот сверху грохается цветник.

Точка.

Леонид минут двадцать проговорил с Натальей Георгиевной, заставляя себя не вздрагивать от взгляда серых глаз – таких же в точности, как у её погибшего сына. Подошёл Аркадий – Сашкин младший брат, забрал маму, позвал Леонида в автобус. Надо было ехать на поминки.

– Я сам, – медленно ответил Леонид. – У меня машина за оградой. Я немного посижу и приеду. Хорошо?

Аркадий внимательно посмотрел на собеседника:

– Лёнь, ты уверен, что это хорошая идея?

Леонид предпринял очередную попытку сглотнуть комок в горле, стоящий там уже три дня:

–Всё в порядке, не переживай, – он выдавил из себя слабую улыбку: – Я скоро приеду.

Внезапно Аркадий (кмс по тяжёлой атлетике, два метра вверх, полтора – в стороны) обхватил Леонида со всей силы и сжал так, что перехватило дыхание.

–Лёнь, приезжай. Мы тебя ждём, – добавил он, опуская руки, и исчез на дорожке, ведущей к выходу.

Пожилой могильщик искоса поглядел на Леонида, щуря подслеповатые глаза и выразительно шевеля сизо-багровым носом и приняв про себя какое-то важное решение, сплюнул на траву и отправился восвояси.

Леонид остался один.

2. Сколько времени Леонид просидел у могилы, на мокрой от дождей земле, он не заметил. Просто сидел, курил сигареты одну за другой, смотрел на цветник.

Через какое-то время он с некоторым удивлением обнаружил, что последние пять минут (пять? а может, десять? а может, час?) он бездумно оббивает кулаком землю. Если бы на её месте был асфальт, он уже непременно разбил бы все костяшки в кровь, причём, Леонид не был уверен, что заметил бы даже это. Но асфальта, здесь не было, и кулак не пострадал, а просто испачкался. Леонид встал, вышел с территории, дошёл до машины, взял бутылку воды и помыл испачканную руку, после чего вернулся к могиле. Ещё немного посидел и бездумно двинулся по аллеям старого кладбища.

Под ногами хрустели и шелестели палые листья, деревья, почти такие старые, как и само кладбище, провожали его равнодушными слепыми взглядами. Леонид их не осуждал – за свой век они повидали столько горя и слёз, что единственное, что могли сделать – это закрыться, замолчать и лишь по осени посыпать тропинки и могилы хрусткими листьями. Иначе они бы просто не выжили, превратились в высушенные, изогнутые силуэты, которые бы безжалостно выдрал с корнями служебный трактор.

Над головой гроыхнуло, начался и практически сразу закончился короткий и не осеннему тёплый дождь. Налетевший ветер быстро отогнал грозу на север – за реку, за стадион, в сторону Приморского района.

Неожиданно возникло желание позвонить Сашке, просто позвонить, без повода. Это желание было настолько сильным, что Леонид даже вытащил из кармана телефон, выбрал номер и только в последний момент остановил занесённый над экраном палец.

Быстро зайдя в список контактов, он выбрал «Сашка», «Сашка новый», «Сашка рабочий» и нажал удалить.

Во рту появился неприятный солёный вкус – незаметно для себя, он прикусил нижнюю губу до крови.

Остановившись, Леонид открыл бутылочку с водой и прополоскал рот, сплёвывая розоватую слюну на землю, а затем огляделся. Ноги занесли его в какую-то совсем старую и заброшенную часть кладбища.

На ближайшем, вросшем в землю на треть надгробии, среди крошащегося камня, с трудом можно было разобрать восемь цифр: 1860 – 1885. Имя не читалось, и на мгновение у Леонида возникла странная мысль, что это, по какой-то странной иронии судьбы, тоже Сашкина могила – те же двадцать пять лет, только даты другие.

Неожиданно что-то на самом краю зрения заставило его оторваться от старой плиты и посмотреть направо.

Силуэт в нескольких десятках шагов от него был практически неразличим в вечернем

сумраке, но главное Леонид успел увидеть...

Страхнув с себя оцепенение, он рванул в погоню, не обращая внимания на внутренний голос, твердивший, что он сошёл с ума.

Леонид знал только одного человека, который мог позволить себе носить в конце сентября в Петербурге соломенную шляпу и при этом каким-то странным образом не выглядеть опасным сумасшедшим.

Этот человек умер три дня назад.

Ты спятил? Куда ты побежал? – надрывался кто-то внутри. – Ты что, совсем... – Леонид не слышал, он бежал, а его цель удалялась от него по пустому кладбищу.

Обладатель шляпы спешил в противоположную от Леонида сторону. Очень характерной походкой, которую можно было объяснить только сломанной в четырнадцать лет левой голенью....

– Сашка! – закричал Леонид. – Стой!

Силуэт ускорил шаг.

Это было безумием.

Леонид бежал изо всех сил, перепрыгивая через корни деревьев, огибая старые надгробия, но человек впереди не становился ближе, каким-то образом умудряясь держать ту же дистанцию, что и в начале.

– Сашка! – голос Леонида уже охрип. Он задыхался. Сколько он уже бежал? Две минуты? Пять? И ни одного человека, одни пустые тропинки, да старые надгробия. – Сашка!

Силуэт продолжал двигаться в противоположную сторону. Причём теперь его ноги не сгибались – казалось, что он попросту летел в нескольких сантиметрах от земли. Фигура была до сих пор странно размыта, словно неудавшаяся фотография. Ясно была видна только соломенная шляпа.

Леонид бежал и бежал. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что вот-вот проснётся, но нет. Слишком силен был запах прелой листвы, слишком материальны были надгробия и деревья вокруг.

Это было всё что угодно, но не сон.

Впереди показалась бетонная стена, отделяющая кладбище от мира живых.

Если он сейчас перелезет, я – сдамся. Я просто не смогу! – подумал Леонид, глотая лёгкими холодный воздух. Почти десятилетний стаж курения давал о себе знать. Из последних сил Леонид прибавил скорости и чуть не закричал от радости.

Человек в шляпе застыл у стены, оперся на неё обоими руками и уставился в одну точку. Казалось, что он увидел что-то безумно важное, там – на серой бетонной поверхности.

– Саш...

Леонид не знал, как можно было не заметить выступающий сантиметров на двадцать из земли корень, но он это сделал.

Острая вспышка боли – лицо встретилось с мокрой, но, тем не менее, на редкость твёрдой землёй, из носа побежало что-то солёное и тёплое.

Проклиная всё на свете, Леонид вскочил на ноги и рванул вперёд...

Силуэт в шляпе больше не стоял у стены. Он исчез.

Тщетно Леонид оглядывался по сторонам и даже пытался подтянуться на высокой стене кладбища – ни одного человека кругом, тем более в соломенной шляпе, и ни одного места, где незнакомец мог спрятаться. Зато почему-то нестерпимо заныл, зачесался рубец на шее – рубец, который не спас, да и не мог спасти Сашку, рубец от масла-которого-не-было, рубец,

который «чуял» естественную смерть, но не видел насильственную.

Что же это было... Призрак... или действительно... нет, бред... такого быть не может...

Закурив сигарету, он вспомнил, как фигура в шляпе перемещалась по кладбищу – будто не бежала, а плыла. И почему настолько явственна была видна шляпа, а всё остальное – нет? Леонид стряхнул пепел. Теперь он был практически уверен, что видел не Сашку, но что тогда?

Призрака?

И что, простите, заинтересовало привидение на банальном бетонном заборе?

Он встал туда же, где стоял человек в шляпе и внимательно посмотрел на серую стену. Среди трещин и засохших побегов дикого винограда явственно читалось слово «Эобара». Из щёлки между буквами «б» и «а» высунулась на мгновение и юркнула обратно маленькая ящерка с длинным хвостом...

Шея взорвалась пульсирующей болью, мир перевернулся, что-то огромное и злое схватило Леонида за шиворот, закинуло себе в пасть, покрутило, потрясло и сжевало вместе с костями...

Никакого винограда. Никаких ящериц. И, разумеется, никакого незнакомого слова. Просто трафаретная надпись «Установка заборов и ограждений» – старая, практически сошедшая на нет. Да, конечно, слово «заборов» сохранилось хуже остальных: дождь надругался над буквами "з" и "а", придав им излишние округлые черты, а скол на стене, напротив, изменил букву "о", добавив хвост, но, тем не менее, увидеть здесь что-то иное... нет, увольте.

Леонид опустился на землю перед стеной, окончательно испачкав убитую двумя падениями в грязь куртку.

Всё произошедшее было цепью галлюцинаций, – Леонид скривился – даже в голове это звучало неприятно, здоровые люди ничего такого видеть не могли.

Правда, уже несколько лет, он периодически начинал сомневаться в собственном психическом здоровье, однако...

Призрак в шляпе... виноградные побеги... слово «Эобара»...

Бред.

3. Гроыхнуло. Из Сашкиного двора в тёмное небо взмыл фейерверк, на мгновение осветив тьму и людей на балконе.

Что же это было?! – сигарета зажглась со второго раза. Несколько искр полетели с балкона вниз, куда-то в вечернюю темноту.

Кратковременный реактивный психоз на фоне смерти лучшего друга, а может, всё-таки призрак? Бред, конечно, бред, а даже если и нет, тогда что он хотел от Леонида? Что значит слово «Эобара»? Или... Может, привидение намекало на изначальный смысл текста: «Мол, неплохо бы про оградку подумать...»?

Единственное, в чём Леонид был уверен, так это в том, что странный незнакомец в шляпе не был Сашкой – в плане – живым, каким-то чудом выжившем Сашкой.

Саша был мёртв – в этом у Леонида не было сомнений.

Тогда три дня назад на злосчастном перекрёстке он всё же успел расстегнуть верх мешка, до того, как его оттащили растерявшиеся на мгновение МЧСники и полицейские...

Кстати, о шляпе. Она висела в прихожей Сашкиной квартиры – потерянная, осиротевшая, внезапно ставшая враз выцветшей и поношенной.

В сотый раз за три дня вспомнилась заметка в Интернете:

«Массовое ДТП произошло сегодня вечером на пересечении проспекта Луначарского и ***-й улицы, сообщает отдел пропаганды УГИБДД по городу и области. Около 20:02 водитель грузового «КамАЗа» не справился с управлением и совершил столкновение с двумя автомобилями, находившимися на перекрёстке. Водитель автомобиля «Мини Купер», мужчина 199. года рождения скончался на месте. Водитель «Пежо 308», женщина 1979 года рождения была госпитализирована с тяжёлыми травмами. Мужчина пятидесяти двух лет, управлявший грузовиком, не пострадал».

...на месте ДТП стоял странный, тошнотворный запах – смесь бензина, крови, машинного масла и почему-то дешёвого мыла с лавандовой отдушкой. Рядом с телом, накрытым чёрным полиэтиленом валялся порванный пакет из супермаркета, вероятно, вылетевший из распахнутой пасти искорёженного багажника Пежо. Оттуда с обречённым видом выглядывали какие-то косметические флаконы и склянки и двухлитровая бутылка газировки...

– ...Лёнь, ты меня слушаешь? Ты, вообще, здесь? – спросила Лена, их с Сашкой бывшая одногруппница.

Леонид потряс головой, стряхнул столбик пепла с наполовину истлевшей сигареты. Блин... о чём же она говорила... что-то о бывшем муже или нет?

Лена училась вместе с Леонидом и Сашкой в одной группе. Что-то было у них с Сашкой на младших курсах, что-то не приведшее ни к чему серьёзному и не помешавшее им потом общаться, как хорошим приятелям.

– Лен, прости. Задумался... – извинился Леонид.

– Понимаю, – кивнула Лена и нервно закурила вторую сигарету. – Я говорю, по поводу того «КамАЗа»...

Значит не про бывшего мужа... – понял Леонид.

– Так вот, – Лена облизала губу. – Я тут говорила со своим знакомым в ГИБДД, этого урода – водителя, отправляют в Скворцова на освидетельствование. Он утверждает, что на дороге перед ним появился какой-то странный человек, поэтому он и вырулил... туда куда вырулил. Вот ублюдок! – девушка с силой пнула ногой в чёрной туфельке бетонное ограждение.

– Думаешь, врёт? – равнодушно спросил Леонид. Ему было, в общем-то, всё равно – сошёл ли водитель КамАЗа с ума или симулировал психоз, и главное, Сашке на это тоже уже было плевать.

– Разумеется! – Лена затушила окурок о стену. – Он говорит, что у того человека были крылья!

– Крылья? Как у ангела?

– Мой знакомый сказал, что как у бабочки. Какая разница! Понятно, что он всё придумал. Думает, что в психушке ему лучше будет, чем в тюрьме!

Леонид пожал плечами. Психушка, тюрьма, пятизвёздочный отель в Турции... Сашку всё это не вернёт...

Человек-бабочка – чего только люди не выдумают, – Леонид покачал головой и затушил свою сигарету, так и не сделав ни одной затяжки. – Человек-бабочка, человек-гусеница и, разумеется, человек-паук! Хорошее бы было дополнение к его спорной коллекции привидений и непонятных слов.

Окурок медленно полетел вниз в практически безраздельное царство осенней тьмы,

лишь в районе подъезда кое-как уступавшее свои позиции жёлтому свету фонаря. Под фонарём растерянно озирался какой-то мужчина в чёрной дублёнке. Складывалось впечатление, что он что-то ищет, но что – с балкона видно не было.

– Лен, прости, – внезапно решил спросить Леонид. – Ты никогда не слышала слово «Эобара»? Может в институте или...

Девушка покачала головой и удивлённо посмотрела на Леонида:

– Нет. Первый раз слышу. А что это? Какой-то препарат?

Леонид махнул рукой:

– Нет. Так – ничего... – он выразительно покосился на дверь, ведущую с балкона. Пора было возвращаться в набитую людьми, но от этого ещё более пустую квартиру.

4. Леонид пришёл домой поздно ночью, бросив машину у Сашкиного дома, благо, идти было меньше двух километров, а ночная прогулка способствовала выходу алкоголя из крови. Завтрашнее суточное дежурство висело над ним дамокловым мечом.

С третьей попытки он снял со стены комнаты, оклеенной жизнерадостными жёлтыми обоями, фотографию с Сашкой, ладонью протёр пыль с рамки и положил в комод. Вышел в лоджию, выкурил, оставляя следы зубов на фильтре, очередную за сегодня (Тридцатую? Сороковую?) сигарету и, вернувшись в комнату, рухнул на диван.

Призраки... шляпа... галлюцинации водителя КамАЗа... – он больше не мог обо всём этом думать. – Но как заснуть с этой кашей в голове?! – Леонид вопросительно уставился в потолок и провалился в сон.

...Безыскусно обточенные камни из тёмно-синего материала, похожего на запылившийся лазурит.

Груды яблок – обыкновенных антоновок, сложенные аккуратными пирамидками перед каждым камнем. От почерневших фруктов поднимается неприятный гнилостный аромат.

И, наконец, циферблаты часов, по одному у каждого из «лазуриновых» обелисков – с разбитым стеклом и неподвижными стрелками.

Почему-то из всего увиденного именно часы показались Леониду чем-то совсем из ряда вон выходящим. Одновременно он вспомнил прошедший день и понял, что спит.

Спит и видит во сне фантазмагорическое кладбище. Несмотря на яблоки и часы, несмотря на отсутствие надписей и фотографий на обелисках, это было почему-то очевидно.

То, что, несмотря на необычное для сна обоняние, у Леонида полностью отсутствовал не только нос, но и тело, а сам он медленно плыл мимо казавшихся бесконечными рядов могил, его не смутило – разные бывают сны.

Над кладбищем нависало небо – серое, низкое и больное, похожее на грязную половую тряпку, оно едва не царапало верхушки деревьев.

Леонида всё также тащило куда-то мимо надгробий. От запаха гнилых фруктов уже тошнило, от огромного числа одинаковых могил становилось неуютно.

К чёрту! – он попытался проснуться, но ничего не вышло.

Нахлынувшая на мгновение паника, однако, быстро утихла – у дальнего края ряда стоял человек. На этом кладбище Леонид был не один.

Пролевитировав ещё несколько метров, Леонид остановился. Аккурат за спиной стоявшей на коленях девушки. Весьма симпатичной, во всяком случае, с такого ракурса.

У неё были длинные, уходящие ниже плеч, волосы – какой-то сложно уловимый микст каштанового и рыжего цвета. Одетая незнакомка была в длинный, бесформенный балахон (не

платье, а что-то наподобие приталенной сутаны) и узкие брючки из такой же ткани.

Ещё двух недель не прошло, а уже фантазируешь о монашках-хиппи? – спросил в голове у Леонида Надин голос. – Кобелина!

Внезапно незнакомка заговорила, обращаясь к надгробию. От неожиданности Леонид вздрогнул.

Язык был ему совершенно не знаком, зато голос девушки звучал достаточно интересно – низкий и при этом звонкий... приятный, одним словом.

У Нади, внезапно подумалось Леониду, голос был не очень – изначально высокий тембр имел тенденцию превращаться в звук стаи оголодавших кошек, стоило бывшей невесте расстроиться или рассердиться на что-то. Зато смеялась она...

Девушка говорила и говорила, иногда поглаживая рукой по краю обелиска. Автоматически Леонид заметил отсутствие каких-либо колец на пальцах, засмеялся про себя и тут....

– ... Эобара! – сказала девушка и тут же, словно зная о внимательном слушателе у себя за спиной, повторила прочитанное Леонидом днём слово ещё раз.

Леонид затаил дыхание, вслушиваясь изо всех сил. Но тщетно – девушка всё также продолжала говорить, но больше знакомых слов в её речи не звучало, затем она внезапно расплакалась, узкие плечи задрожали.

Ему захотелось подойти к ней, обнять, успокоить, но он всё также был недвижим и бесплотен...

Постойте, батенька! – ехидно поинтересовался внутренний голос. – Решили влюбиться в сновидение? Все симптомы на лицо – фиксация на волосах, звуках голоса...

И то, и другое действительно было «пунктиками» Леонида. Собственно, длинными светлыми волосами и звонким хрустальным смехом, два года назад привлекла его внимание Надя. С некоторым опозданием выяснилось, что она в девяносты девяти случаях из ста носит на голове странную конструкцию с торчащими из неё заколками, а чувство юмора и вовсе оставила акушерке вместе с пуповиной, но....

Девушка обернулась. И да, у неё было то, что всегда являлось ещё одной слабостью Леонида – ямочки на щеках.

А ещё он успел увидеть глаза – огромные, с радужками странного тёмно-оранжевого цвета...

... Проворочавшись на диване несколько минут без толку – сон никак не хотел возвращаться, Леонид встал и поплёлся на кухню. Было пять минут шестого.

Зайдя в интернет, он некоторое время гуглил слово «Эобара» – без толку, ничего не находилось.

В ванной Леонид уставился на своё отражение в зеркале, затем тяжело вздохнул, попил из-под крана и вернулся в комнату. Спать оставалось ещё полтора часа.

Пятница, четырнадцатое октября

1. Леонид чувствовал себя древней ископаемой мошкой, безнадежно застрявшей в капле стремительно каменеющей смолы, но ещё сохраняющей проблески сознания. То, что вместо куска янтаря он находился внутри автомобиля с кондиционером, музыкой и подогревом сидений (просто рай для доисторического насекомого!) ничего не меняло. Пробка не двигалась.

Вообще.

Где-то впереди, там, где раз в полминуты сменялся свет светофора, происходило какое-то вялое шевеление, но двигалась исключительно встречная полоса, практически также плотно забитая машинами. Ряд Леонида стоял. Знак «Дорожные работы», видневшийся чуть впереди, несколько разъяснял ситуацию, но никоим образом не облегчал её.

На часах было восемь минут девятого. Небольшой шанс успеть на пересменку вовремя ещё был. Небольшой такой, призрачный... одетый в соломенную шляпу...

Хватит!

Хватит об этом думать. Во всяком случае, сейчас – перед суточным дежурством.

Хватит!

Леонид поднёс окурок к опущенному стеклу и поймал выразительный взгляд дамы средних лет, сидевшей на пассажирском сиденье в стоящем в соседнем ряду Логане. Женщина была явно не в духе и, увидев, как сосед на стареньком BMW пытается НАМУСОРИТЬ, явно оживилась.

Леонид предусмотрительно вернул руку с окурком обратно и закинул его в пустую пластиковую бутылку, после чего улыбнулся женщине в Логане. Дама, настроившаяся провести время в пробке с пользой, скривилась, пробормотала что-то нелицеприятное и отвернулась к водителю. Леонид молча посочувствовал тому.

– Выкинул мусор, спас нервную клетку, – резюмировал он вслух и закрыл окно.

Машины впереди зашевелились, проползи десять метров и вновь встали.

Леонид критически покосился на бутылку с окурками в своей руке и, наверное, в сотый раз подметил, что надо купить автомобильную пепельницу.

Окинув взглядом салон, он вздохнул, нащупал на заднем сиденье пустой пакет из KFC и начал складывать туда многочисленный мусор: пустые пачки из-под сигарет, целлофан оттуда же, упаковки из-под жвачек, пустую банку газировки, липкую скомканную бумажку, в которую когда-то был завернут гамбургер и в глубинах которой, возможно, уже зародилась новая цивилизация, пустую коробку из-под яиц(!), три неработающие пальчиковые батарейки, четыре пластиковых стаканчика, вставленные друг в друга, одноразовую вилку с двумя зубчиками...

– О, Великий, – не выдержав, вслух обратился к себе Леонид, – способности твои к созданию хаоса и бардака по истине безграничны!

А ведь и двух недель не прошло с того момента, как они с Надей ездили выбирать новые обои в комнату, которую, по мнению девушки, пора было «подновить». Леонида полностью устраивали старые, пошедшие пузырями, ярко-жёлтые обои... и что, что их нельзя мыть? Кто вообще моет обои?!

В итоге они проехали по городу до вечера, потеряли уйму времени в строительных

магазинах и, разумеется, поцапались. Как, впрочем, и всегда...

И ради этой девушки я испортил целых два метра асфальта посредством баллончика с красной краской... – покачал головой Леонид. – ...Кольцо, то самое, какое она хотела, из Германии заказывал... и ведь любил же... действительно любил, по крайней мере, до определённого момента... а потом всё куда-то исчезло. Остались только разные тряпочки для поверхностей, моющиеся обои да пакеты с мусором...

Машины впереди не двигались, и Леонид продолжил уборку. Изогнув руку минимум в восьми суставах и впихнув её под пассажирское сиденье, он нащупал что-то холодное и тяжёлое.

Сердце ёкнуло. На ладони лежал зеленоватый екатерининский пятак. Такой же, как и в потайном кармашке сумки Леонида.

Плотина, выстроенная за последние три дня в голове, закрипела, задрожала и с грохотом рухнула. Горло свело судорогой, а глаза защипало...

Вторник, четвёртое октября

2.... – Не потерял? – спросил Сашка, подкидывая в воздух свой пятак. Они сидели в машине у Сашкиного дома. Дым от, пожалуй, целой пачки сигарет, скуренной менее чем за час, плавал по салону вальяжными серыми клубами.

– Нет, конечно, – Леонид покосился на свою сумку.

Сашка носил пятак в кармане и регулярно вынимал на свет божий. Леонид же, напротив, свою монету берёт, доставал изредка и предпочитал хранить в сумке, в потайном кармашке – так, чтобы уж точно не потерять.

– Я всё думаю, откуда они взялись там, на ручье? – Сашка поймал монету в воздухе, перевернул, прокрутил между пальцами и вновь отправил в полёт. – Вода размыва древний клад?

Леонид хмыкнул – действительно, откуда?

Почему их с Сашкой понесло гулять на Муринский ручей, Леонид уже и не помнил. Помнил, что нёс под мышкой футбольный мяч, но не в футбол же они собирались играть на грязном, болотистом берегу ручья, задушенного с обеих сторон шестью полосами Северного проспекта. В каком году это было? Сколько ему тогда было лет? Семь? Нет, точно, это было ещё до школы. Значит – шесть. И кто первый из мальчишек увидел, что в грязи у берега что-то блестит?

Вроде бы Сашка... нет, точно Сашка.

Откуда мутная снулая вода принесла это спорное «сокровище»: две древние, но не имеющие практически никакой ценности монеты?

Впрочем, это тоже было неважно.

Что бы хотел вспомнить Леонид, так это кто предложил поклясться, но, увы, именно эта информация напрочь стёрлась из его головы.

Зато он отчётливо помнил резкую боль, когда Сашкин перочинный ножичек рассёк кожу на его запястье и как кровь – яркая и тёмная, похожая на вишнёвый сок из трёхлитровых банок, закапала на зеленовато-коричневую медь пятаков.

И как было страшно резать Сашкину руку.

И как он всё медлил, а когда, наконец, собрался с мыслями, то в итоге резанул слишком сильно и глубоко.

И как Сашка вскрикнул, мгновенно побледнел, покачнулся, но, выдавил улыбку и щедро

полил обе монеты своей кровью, такой же тёмной и вишнёвой. И как они перевязывали Сашкино запястье грязным носовым платком, а тот мгновенно пропитывался всё никак не останавливающейся кровью...

Видимо Сашка думал о том же:

– Сейчас даже вспомнить страшно, – сказал он, поглаживая длинный шрам на левом запястье. – На несколько миллиметров глубже, и я бы остался без связок. Любитель резать шестилетних мальчиков! Хороший бы из меня получился хирург, – улыбнулся Сашка и покачал головой: – И немаловажная деталь – меня не пороли, в отличие от некоторых!

Леонид пасмурно улыбнулся и поёрзал по сиденью.

– До сих пор болит, Том Сойер? – расхохотался Сашка. Внезапно улыбка исчезла с его лица: – На самом деле, что я хотел тебе сказать... – рука с пятаком замерла. – Знаешь, что я решил ещё лет в шестнадцать? Что я сделаю, когда встречу Ту Самую? Я подарю ей, – Сашка кивнул на монету, – свой пятак! А знаешь, почему? Потому что Та Самая заслуживает самое ценное, что у меня есть!

Леонид фыркнул:

– Ага. А если Та Самая окажется нумизматом? Александр, вы дарите мне самый дешёвый екатерининский пятак, да ещё совершенно потасканного вида?! А не пойти ли вам в баню? Заодно и медь свою почистите!

Сашка медленно покачал головой и улыбнулся:

– Ничего ты, Лёнь не понимаешь. Та Самая – так не скажет. Или она будет не Той Самой, а просто какой-то левой тёлкой... Но сейчас речь шла не о моих матримониальных планах. Ты ведь понял, что я имею в виду?

Леонид кивнул.

Несмотря на то, что он всегда относился к сувениру из детства более спокойно, чем друг, вопрос действительно был поставлен правильно. Готов ли он подарить Наде свой пятак или нет? А если нет...

И в тот же вечер Надя завела вновь разговор о пятне на шее, очень скоро возросший до подробного перечисления всех грехов и провинностей.

И что же она сделает с моим пятаком? – уже не слушая невесту, думал Леонид. – Не выбросит, это точно. Даже оценит – красоту жеста уж точно. Ага, оценит... Отнесёт оценщику, отдаст на реставрацию, а после повесит в красивой рамочке на стену, возможно, сделает коллаж, как с фотографиями из отпуска...

Пятница, четырнадцатое октября

3. Оглушительная какофония гудков вернула Леонида в реальность.

– О, нет! Впереди свободное место, а это урод на БМВ, видно, заснул! – пробормотал он под нос, проезжая вперёд на несколько метров. Светофор над площадью вновь сменил зелёный свет на красный. Леонид вытер рукавом глаза и бережно опустил Сашкин пятак в нагрудный карман.

Автомобильный тромб прорвался через десять минут, и Леонид даже почти не опоздал на работу.

Почти, потому что, стоило ему припарковать машину, зазвонил телефон.

Просидев несколько секунд, пристально глядя на старающийся привлечь внимание владельца всеми возможными способами, а точнее: светом, звуком и вибрацией, смартфон, Леонид вздохнул и взял трубку, потому что не брать её было, наверное, ещё более глупо.

– Да, Надя. Привет! Что-то срочное? У меня дежурство...

– Как будто бы у тебя на работе все ещё не привыкли к твоим опозданиям, – ядовито перебила девушка. Леониду на мгновение представилось, что на том конце провода находится не бывшая невеста, а раздутая кобра, минимум неделю копившая яд, а теперь одним броском выплеснувшая его в лицо ничего не подозревающей жертве.

Хотя доля правды в Надиных словах была. Он действительно часто опаздывал. Леонид открыл окно и закурил. В трубке молчали, только раздавался какой-то шорох, словно вышеупомянутая кобра, удовлетворив инстинкт, поползла дальше.

– Я тебя слушаю, – отстранённо-вежливо напомнил о своём существовании Леонид.

В голове раздался воображаемый взрыв – оказывается, кобра никуда не делась, и теперь её просто-напросто разорвало на части.

Леонид сжал зубы – речь шла о Сашке. Почему Леонид не сообщил ей, Наде о таком прискорбном событии?! «Прискорбном событии!» – мелькнуло в голове, – У себя в банке, она, наверное, также говорит: «Прискорбное событие. Ваш ипотечный кредит не одобрен». Почему не позвал на похороны? И, в конце концов, когда он удосужится привести ей её мультиварку?

Слова про мультиварку стали последней каплей. До этого Леонид пытался найти секундную паузу в льющемся потоке слов, чтобы вставить что-то неопределённо извиняющееся: «Ну вы же всегда недолюбливали друг друга, признайся?» или даже лучше и, что главное, абсолютно честно: «Просто даже не подумал. Прости». Но... Сашкина смерть и... мультиварка?! В одном ряду?

подавив желание разбить телефон, Леонид резко перебил Надю:

– Сегодня на сутках. Завтра завезу после шести. Пока! – и повесил трубку.

На часах было девять ноль девять, – отметил Леонид, глядя на заставку экрана блокировки: абстрактный средневековый город, нависший над тёмной бездной. Он опять опоздал. Но, как верно сказала Надя, все давно уже привыкли к его опозданиям.

По пути к дверям клиники Леонид чуть было не налетел на совершенно незнакомого мужчину с загорелым и явно испытанным лицом, одетого в безразмерную поношенную дублёнку, выцветшую и потёртую. Собственно, и весь он был какой-то выцветший и потёртый – явление, к сожалению, достаточно часто встречающееся среди подобного рода мужчин в возрасте чуть за сорок.

Хотя нет... – Леонид замер на месте и внимательнее всмотрелся в прохожего. Тот выглядел несколько иначе, чем каноничный представитель рабочего класса, не пренебрегающий алкоголем.

Во-первых, что-то в его внешности было неправильным, АБСОЛЮТНО неправильным, кривым, чужеродным, пугающе странным, правда, что конкретно, Леонид не мог понять.

Во-вторых, вёл себя мужчина тоже не вполне нормально.

Походкой сытого зомби он медленно двигался вдоль стены здания и при этом активно двигал глазами по сторонам, выворачивая глазные яблоки настолько, что казалось, что они вот-вот выпадут из орбит.

Леонид не мог разглядеть зрачки незнакомца, но при взгляде на эти глаза у него внезапно возникла неприятная ассоциация с советской куклой. Неправильными были эти глаза – игрушечными и напроочь искусственными.

Мужчина резко замер и зачем-то аккуратно потрогал рукой воздух перед собой, словно пытаясь что-то нащупать.

Да он же слепой! – дошло до Леонида. – Ну... или практически слепой – минус сто на оба глаза. Нашёл из-за чего паниковать.

Он уже собрался было окликнуть мужчину и объяснить ему, как дойти до офтальмологии, но в последний момент передумал.

Во-первых, он уже и так опаздывал на работу. А во-вторых... всё-таки стрёмный был незнакомец, и объяснение про окулиста несильно что-то здесь меняло. Вдруг он не окулиста ищет, а, напротив, ведёт активный интереснейший диалог со своими невидимыми друзьями, а тут Леонид со своими комментариями!

Тем более мужчина, выставив вперёд руки – теперь уже в манере голодного зомби, – двинулся напрямик к нему.

Ускорив шаг, Леонид влетел в здание клиники. Он не любил, когда его трогали посторонние сумасшедшие мужчины средней степени потасканности, как, впрочем, и любые другие представители мужского пола.

Выглянув через окошко в двери, Леонид обнаружил, что непонятный мужчина куда-то исчез – вероятно, шмыгнул за угол...

Или затаился где-то... Завтра выйдешь с дежурства, а он тебя хватать! – сообщил себе Леонид и направился к служебному лифту.

На душе почему-то скребли кошки. Крупные такие, с полосками и когтями – тигры называются.

Ладно, – примирительно решил Леонид. – Не пропадёт мужик. За углом – КПП с охранником, там быстро разберутся и проводят, если надо.

В глубине души кто-то протестующе мяукнул, намекая на то, что беспокойство было связано отнюдь не с переживаниями за судьбу слепого мужчины. Но с чем же тогда?

4. – Добрый день! – кивнул Леонид лифтёру, влетая в кабину.

– Опаздываешь, Лёня. Сейчас тележка с завтраком приедет, а меня нет, – без тени какого-либо уважения сообщил лифтёр дядя Витя, но всё же захлопнул створки дверей и нажал на кнопку шестого этажа. Кабина дёрнулась, содрогнулась и, недовольно скрипя устаревшим морально и физически механизмом, медленно поползла вверх.

Леонид решил не вступать в полемику, и, осознав пожилого лифтёра (к счастью, ничего жизни дяди Вити не угрожало), отошёл в дальний угол.

Интересно, почему тебе не пришло в голову осознать «слепого»? – поинтересовался внутренний голос.

Заткнись, – посоветовал ему Леонид и отвернулся к знакомым ещё с интернатуры вырезкам и календарям, покрывающим все вертикальные поверхности кабины изнутри.

В следующем году поставят новые лифты, – вспомнилось внезапно. И будет серебристый гигант на полтонны загрузки летать между этажами, закладывая уши своим пассажирам. И не нужен будет этому гиганту ни лифтёр-дядя Витя, ни умильные вырезки с котятами, щеночками и Киркоровым, самые старые из которых недавно разменяли четвёртый десяток. Но считать ли это очередной победой энтропии? Или же, напротив, торжеством порядка?

Леонид не знал ответа на свой вопрос, ему просто было жалко. Причём в равной степени он жалел и хамоватого дядю Витю, старенького и никому не нужного, и доисторический лифт, с двойными дверями и вываливающимися кнопками.

Надю на самом деле ему тоже было жалко. Она ведь уже к свадьбе готовится начала...

– успел сочувственно подумать Леонид и тут же фыркнул, вспомнив все талмуды с вырезками, которые его бывшая невеста собирала лет с тринадцати, если не раньше. Возможно, Надя уже родилась с мыслью о белом платье и пятикилограммовом торте на тележке с умильными фигурками наверху. Бывают такие люди...

А бывают люди, как Сашка – один на миллион, нет на миллиард, нет, на семь миллиардов. Или такие, как он – Леонид. Со всеми своими странными снами, осознаниями, призраками и другими признаками прогрессирующей шизофрении...

И почему такие разные люди иногда сходятся, на пару лет или на пару десятков лет, а потом расходятся или их расходят посредством КамАЗа, то есть пускают в расход... и что со всем этим делать, точнее, что надо со всем этим делать и надо ли вообще...

Леонид, сам того не замечая, начал погружаться в какую-то тошнотворную муть, от которой был всего шаг до серебрищихся нитей, но, к счастью, в этот момент лифт с горделивым скрежетом остановился на шестом этаже. Дядя Витя распахнул двери и выразительно кивнул на горящую лампочку вызова – тележка с завтраком требовала транспорт.

...Что тебе действительно надо – так это принять смену, – категорически заявил себе Леонид, выходя из лифта.

Глава 4 Колдун в белом халате

Пятница, четырнадцатое октября

1. В коридоре, ведущем мимо отделения реанимации в остальную часть клиники, сидели двое.

Стереотипная бабуля – божий одуванчик в цветастом платке, здорово контрастировавшим с её сине-белым, практически прозрачным лицом, и, вероятно, её сын – мужчина лет пятидесяти, явно раздражённый на весь мир, с багрово-красной физиономией и ломаными ушами. Прямо готовые фанаты ЦСКА – один красный, другая – синяя, – подумал Леонид и тут же застыдился своей мысли.

Судя по всему, ждали они кого-то из врачей.

Проходя мимо, Леонид автоматически скользнул взглядом по обоим, осознавая их. Старушка, несмотря на тяжеленный порок сердца, не вызвала у него ни малейших эмоций, – в ближайшие дни она точно не собиралась помирать. Чего нельзя было сказать о сыне, недружелюбно смотрящим на доктора из-под неопрятных кустистых бровей.

Леонид сделал ещё один шаг, концентрируя всё своё внимание на мужчине, и даже успел почувствовать совершенно чужую, но при этом застарелую боль в левом колене, открыл рот, тщетно пытаясь что-то сказать...

Его раздавило, расплющило, разметало по сторонам, протащило сквозь гигантскую мясорубку, швырнуло в воздух, вбило в землю сквозь пять этажей... В голове вспыхнула и погасла сверхновая звезда, тело исчезло, успев перед этим сгореть в невидимом огне, а что-то иное, забившееся в самый дальний и тёмный уголок, было вырвано оттуда и выкинуто во тьму...

Где во всём своём тошнотворном великолепии посреди чёрной пустоты переплетались, подобно червям в банке на берегу рыбной реки, тысячи белёсых нитей...

– С добрым утром, красавица – хрипло поприветствовал Леонида Цербер, он же Василий Михайлович – заведующий отделением реанимации, обладатель чудовищного характера, сиплого лающего голоса и при этом, как часто бывает, доброго и отзывчивого сердца. Учитель и непосредственный начальник.

Леонид не спешил открывать глаза. Вначале он тщательно проанализировал своё состояние. Он, без сомнения, был жив, как минимум на это указывали колючий плед, неприятно касавшийся подбородка, и затёкшие от неудобного положения ноги, закинутые кем-то (очевидно, Цербером) на стену. Сердце глухо билось в ушах, выдавая под полторы сотни в минуту, неприятные спазмы сводили живот.

Но он был жив. И это, конечно же, радовало.

Вот это и случилось... первый раз, – подумал Леонид. До сегодняшнего момента он всегда умудрялся в своих предчувствиях избегать крайней точки, «спрыгивая» в самую последнюю секунду, успевая понять, что станет причиной смерти, но при этом не попадая непосредственно в сам процесс умирания. Сегодня не получилось.

Василий Михайлович многозначительно откашлялся. Леонид открыл глаза. Он лежал на диване в кабинете заведующего, Цербер сидел рядом, на приставленном стуле.

– Там... мужик... в коридоре... с мамой... – в отличие от тела, язык всё ещё предпочитал думать, что он мёртв и пребывал в состоянии мерзкого куска студня.

– Свалили, стоило тебе грохнуться. Орал почти как ты, только более связно. Вероятно, – хмыкнул Цербер, – зрелище бьющегося в конвульсиях доктора сильно снижает веру в родную медицину. Причём даже не удосужился о тебе кому-нибудь сообщить, урод! Хорошо, что Лёша мимо шёл, всё увидел.

– Надо его найти, – кое-как язык начал подчиняться воле хозяина. – Срочно!

– Именно его? Не мать?

– Мужика. Там аневризма с грецкий орех в голове. Завтра рванёт.

Василий Михайлович хмыкнул:

– Интересные дела. Я-то на мать его грешил, – Цербер покачал головой. – Не найти его, Лёнь. Я уже спрашивал. К кому приходил – непонятно, кто это вообще был – тоже никто не знает. Увы!

– Плохо, – вздохнул Леонид и, сбросив плед, сел на диван. С каждой секундой самочувствие становилось всё лучше. – Мне надо принять смену, – с напором заявил он заведующему.

Василий Михайлович скептически сощурился:

– Сначала к неврологам прогуляйся, пусть на тебя посмотрят.

– Но вы же знаете....

– В том то и дело, Лёнь, – покачал головой заведующий, – что ничего я не знаю. Как, скажи, мне допускать к работе доктора после десятиминутного обморока?

Леонид прикусил губу и пожал плечами:

– Но работать-то всё равно некому. А со мной действительно всё в порядке.

Глаза Цербера смотрели грустно:

– Не в порядке. Ничего с тобой Лёнь не в порядке, и я думаю, надо нам об этом поговорить.

С кряхтением Василий Михайлович поднялся со стула, стоящего у дивана, и пересел за рабочий стол.

Леонид вздохнул и переместился с дивана на стул. В конце концов, рано или поздно этот разговор должен был состояться. Больше всего расстраивало странное поведение заведующего.

Кто-кто, а Василий Михайлович к семидесяти годам прекрасно научился не скрывать эмоции, не копить стресс, а выражать всё чётко, предельно громко и обычно нецензурно.

Не раз стены отделения сотрясались от гневных криков заведующего. Воздух дрожал, нервно дребезжали флаконы в шкафах, медсестры прятались по углам, а находящиеся поблизости пациенты предпочитали вернуться в коматозное состояние только чтобы избежать контакта с вошедшим в раж заведующим реанимацией.

Породистое, покрытое густой сетью морщин лицо краснело. Роскошный римский нос, своими синими прожилками схожий больше всего с картой дельты Нила, дул ноздри. Слюна летала в воздухе.

Но сейчас Цербер нервно стучал по столу карандашом и поминутно поглядывал в окно, словно надеясь, что кто-то залетит оттуда и спасёт его от необходимости говорить на темы, которых бы он предпочёл никогда не касаться.

2. Леонид чётко помнил, когда впервые у него «прорезалась» его способность, его особенность, его... дар?

Это был тот же год, когда к нему вернулись позабытые детские кошмары – сны о нитях и

пустоте.

Пятый курс. Май месяц. В свежевывмытые окна терапевтической клиники прямой наводкой лупит юное весеннее солнце, с безжалостностью снайперской пули унося из головы все слова, кроме трёх, начинающихся на букву «П»: «Петропавловка», «пляж», «пиво». И совершенно нет сил слушать Нину Максимовну и смотреть на осоловевшего от потока студентов мужчину с трёхкамерным сердцем, превратившегося на время госпитализации в главный экспонат, mustsee клиники.

Взгляд Леонида сонно гуляет по маленькой трёхместной палате, на секунду цепляется за недовольного очередной толпой в белых халатах мужчину лет пятидесяти с банальным и, тем самым, ограждающим его от внимания студентов, инфарктом.

Тут всё и происходит.

Внезапно он чувствует странное ощущение под бадлоном на шее, в том месте, где скрывается рубец от ожога-разумеется-от-кипящего-масла. Леонид подносит руку к шее, и в этот момент через окно ему в висок влетает настоящая пуля.

Во всяком случае, так кажется.

Со звуком пузырячатой плёнки в районе темени что-то лопается, уши закладывает, а тело становится чужим и абсолютно не подвластным. Леонид хватается руками за голову, пытается справиться с дезориентацией и болью, и при этом явственно ощущает, как кровь из разорвавшегося сосуда пропитывает ткани мозга...

Причём чужая кровь из чужого сосуда – это он понимает чётко. Чужого сосуда в его голове.

Леонида охватывает паника. Почему-то он не обращается за помощью, а опрометью бросается из палаты – насколько позволяют ставшие чужими ноги.

И в этот момент всё заканчивается. Ничего не болит. Пальцы двигаются, сердце (Леонид прикладывает пальцы к шее) стучит чуть быстрее, чем обычно, но не более того...

Всё хорошо.

Геморрагический инсульт? Что за бредни?! Перегрелся, задремал стоя, защебил шею...

Позже Леонид долго кусал локти, размышляя, мог бы он что-нибудь сделать и в конце концов пришёл к выводу – абсолютно ничего. Случившийся на следующий день инсульт оказался полным сюрпризом для всех. Кто бы поверил студенту-пятикурснику, с непонятной уверенностью утверждающему, что у такого-то пациента завтра произойдёт гипертонический криз, который практически мгновенно приведёт к разрыву сосуда в мозгу? Правильно, никто.

А через несколько недель Леонид вновь увидел, почувствовал, осознал будущую смерть и вновь не смог ничего сделать.

В ту же ночь к нему вернулся детский кошмар. Он вновь висел в пустоте, надёжно фиксированный, неспособный пошевелиться, в окружении постоянно двигающихся белёсых нитей – блестящих, склизких, похожих на аскарид. Каждая из них переплеталась с другими, образуя канаты, которые в свою очередь объединялись с другими. Сеть, паутина простиралась до отсутствующего горизонта и дальше, много-много дальше. Не имеющая начала и конца, беспросветная, сводящая с ума бесконечность...

Практически целый месяц он жил, как в кошмаре. Шарахался на улицах от людей, особенно пожилых, практически не спал, сделав справку, на месяц выбыл из институтской жизни. Заодно до дыр изучил несколько руководств по психиатрии, сходил на полуанонимную консультацию, прошёл МРТ головного мозга.

Органических поражений мозга томограф не выявил, чёткий психиатрический диагноз из жалоб Леонида не складывался.

Разумеется, легче ему от этого не становилось.

И вот однажды, проснувшись во втором часу пополудни после пяти часов пустых и бессодержательных снов в замусоренной, прокуренной квартире, Леонид начал действовать.

Первым делом он распахнул настежь все окна.

Затем принялся за уборку – с остервенением отдраил полы, перемыл гору посуды, протёр пыль, выбросил мусор.

Следом принял ледяной душ, сбрил ко всем чертям месячную бородку, растёр жёсткой мочалкой всё тело, выгоняя из него страх и ужас.

И только после всего этого, сидя на очищенной кухне с чашкой кофе, он взял лист бумаги и сформулировал несколько основных мыслей.

Он действительно может видеть будущее. Это – не шизофрения и не какое-то другое психическое расстройство. Нет – и точка. Дальше об этом думать, размышлять, мучить себя лишними мыслями – нет ни малейшего смысла. У него есть способность, дар, и он может обратить его на помощь людям. Как? Зачем? Почему? Всё это были совершенно лишние вопросы.

Ему снятся странные, да что там – страшные сны. И, что дальше? Ничего они не меняют, каждое утро он просыпается в своей кровати, а не на том свете и на Альфа Центавре. Неприятно? Страшно? Ничего, можно потерпеть.

Рубец на шее от кипящего масла, которое никто никогда не проливал? Рубец, который, как ему кажется, и даёт способность осознавать? Идёт туда же – в область лишних и мешающих жить вопросов.

Какой-то частью себя Леонид надеялся, что, возможно, он никогда и не найдёт на них ответов.

Интересно, что ни тогда, ни позже он ни единым словом не обмолвился никому о ни о своих осознаниях, ни даже о своих кошмарах. Никому, даже Сашке. Что-то останавливало его каждый раз, стоило ему попытаться заговорить об этом.

Повлиял ли дар на выбор будущей специальности? Вероятно, да. Нет, пациенты, которым грозила скорая гибель встречались везде.

Но, во-первых, в реанимации их было больше.

А во-вторых, выбирая специальность, Леонид искренне надеялся, что звание реаниматолога позволит ему давать неочевидные и даже абсурдные на первый взгляд указания другим врачам без какой-либо угрозы для своей тайны.

Леонид ошибся, как никогда. Его секрет, с трудом продержавшийся то время, пока он обучался в ординатуре, был раскрыт в считанные месяцы, стоило ему выйти на отделение полноправным врачом.

Его коллеги-реаниматологи, к счастью, отнеслись к его особенности достаточно прагматично – пытались делать вид, что ничего странного в Леониде нет, но при этом всю пользовались его даром предвидения. Зато по отделениям клиники ходили слухи – один другого противнее. О «сглазах», «проклятии», «чёрном глазе». Разговоры неприятные, а главное, совершенно несправедливые.

Более неприятными были только взгляды врачей с отделений.

Никто на самом деле не любит непонятное, не любит мистику, когда сталкивается с ней не на страницах книги, а в реальной жизни. Все, и в том числе доктора. В особенности

доктора!

Леонид знал, что разговор о его увольнении поднимался неоднократно. Также он знал, что Василий Михайлович защищал его, как только мог. Но до этого дня он никогда не видел такого взгляда у заведующего: грустного и неуверенного, словно Василий Михайлович впервые осознал, что он абсолютно не знает, кто на самом деле работает на его отделении.

3. Василий Михайлович откашлялся и, наконец, заговорил:

– Лёня, я знаю тебя уже почти четыре года. Ты – хороший врач, уже – хороший врач, невзирая на твой мизерный, уж прости меня, опыт. И я не учитываю сейчас твои... особенности, – последнее слово далось ему явно с большим трудом. Заведующий вновь тоскливо покосился в окно, за которым начинался тоскливый питерский дождик. – Но, Лёнь, – Василий Михайлович решительно хлопнул руками по столу, – я начинаю тебя бояться.

Леонид открыл рот, но заведующий жестом велел ему молчать:

– Дай мне договорить. Во-первых, я не верю в те бредни, которые ходят по клинике. Во-вторых, Лёнь, не знаю, как ты это делаешь и совершенно не хочу это знать, но ты действительно способен диагностировать совершенно неожиданные вещи одним взглядом. Молчи! Я сказал, что ничего об этом знать не хочу. Но сегодняшняя ситуация – это уже что-то другое. Ты не приходил в себя десять минут.

Леонид вздохнул и пожал плечами:

– Так уж вышло. Извините, что напугал.

Василий Михайлович посмотрел ему в глаза:

– Лёнь, – ласково, слишком ласково сказал Василий Михайлович, – ты когда-нибудь видел свои приступы со стороны?

Леонид покачал головой.

Цербер кивнул:

– Именно. Ты резко бледнеешь и обычно начинаешь заваливаться в сторону, но это как раз ерунда, в отличие от того, что происходит у тебя с глазами.

– Что происходит у меня с глазами? – теперь и Леонид завистливо косился на дождь за окном.

– Они светятся. Слабо-слабо, но всё же заметно.

– Что?! – опешил Леонид и автоматически поднёс руку к глазам: – Как лампочка, что ли?

Заведующий передёрнул плечами:

– Мне не описать. Раньше такого не было или это было не так заметно, а теперь, с каждым твоим новым... приступом – всё ярче и ярче.

Стул, на котором сидел Леонид внезапно стал крайне неудобным:

– Да, – вздохнул он. – Звучит невесело.

– Звучит хреново, откровенно говоря.

В кабинете воцарилась тишина.

Спустя, пожалуй, минуту, Леонид заговорил:

– Василий Михайлович, я действительно знаю, что случится с нашими пациентами, – первый раз в жизни Леонид вслух заговорил о своём даре... – Но что это такое и откуда взялось – мне неизвестно.

Конечно же тебе неизвестно! – рука сама по себе потянулась поправить ворот свитера. –

А как же рубец от кипящего масла, брызнувшего с упавшей сковородки? Сковородки, которая никогда не падала, а?

Усилим воли Леонид заставил руку остаться лежать на коленях:

– Я проходил обследование, два раза – в институте и ещё один раз, по вашему настоянию, два года назад. МРТ, психиатр, прочая ерунда – всё чисто, вы должны это помнить. Моя сегодняшняя синкопа – просто неудачное стечение обстоятельств. А глаза... – на мгновение Леонид потерял мысль, слова про свечение его здорово встревожили, – пусть себе светятся. Чёрт с ними.

Заведующий вздохнул и покачал головой.

– Василий Михайлович, – с жаром продолжил Леонид, – вы же знаете, как я люблю эту работу и знаете, что я никогда не сделаю ничего во вред ни пациентам, ни коллегам...

– Я бы хотел это знать, Лёнь, – опустил взгляд заведующий. – Но одно дело, когда ты просто предугадывать, что будет. Совсем другое – когда при этом ты истошно кричишь, теряешь сознание... глаза ещё твои. Это действительно пугает и, главное, вызывает множество вопросов, главный из которых – что ты сделаешь в следующий раз. Взлетишь в воздух на метр? Начнёшь чертить пентаграммы в моём отделении? Придёшь на дежурство голым?

– Если говорить о последнем пункте, то что-то привлекательное в этом есть. Смотри, кто из медсестёр дежурить будет, – автоматически отшутился Леонид и предложил то, что давно крутилось у него на языке: – Хотите, я сейчас заявление напишу?

Василий Михайлович молчал долго. Наконец он ответил:

– Нет, этого я не хочу. И я собираюсь сегодня серьёзно поговорить с некоторыми... сотрудниками клиники на темы мракобесия, – Цербер невесело усмехнулся. – От тебя мне надо другое. Лёнь, я ещё раз повторю – я не знаю и не хочу знать, как ты делаешь...хм... то, что ты делаешь, но, пожалуйста, обещай мне, что ты не дашь своей особенности развиваться дальше, что ты сможешь себя контролировать, что ты не устроишь на отделении и в клинике чего-то... – так и не закончив фразу, Цербер уставился на доктора в ожидании ответа.

Леонид прижал пальцы к вискам.

– Я обещаю, – он слабо улыбнулся, – что всё со мной будет нормально. Ничего плохого никому я не сделаю.

Цербер медленно, недоверчиво кивнул в ответ.

4. К дежурству Цербер всё же допустил Леонида. Невролог ничего, как и ожидалось, не нашёл, хотя и отправил на экстренное КТ. Пока Леонид бегал по корпусам, он ещё раз отметил крайне неприятный факт – часть докторов и медперсонала разговаривали с ним исключительно глядя в сторону и стараясь как можно скорее завершить беседу.

Вечерние часы смены прошли достаточно спокойно. Доктор даже успел не торопясь, основательно подкрепиться больничным ужином – голубцами с кефиром. Приём пищи в ординаторской, под однообразное пиканье монитора, собиравшего информацию со всех палат реанимации, всегда наводил на него сонный, немного меланхолический настрой – что, в общем, было бы совсем неплохо, с учётом последних событий.

Очистив тарелку, Леонид обратил внимание на продолжающий требовать еды желудок и только после этого сообразил, что не ел ничего с ночи, с поминок.

– Ты так язву себе выкуришь! – поругал себя доктор и полез в шкафчик, где была спрятана коробочка шоколадных конфет.

Полкоробки спустя бунтующий желудок всё же утихомирился.

Надо начать брать с собой еду, – отметил Леонид. – Точнее надо начать собирать себе еду на дежурство. Нади-то больше нет. Со мной нет, – поправил он сам себя – больно неприятно прозвучали эти слова, даже в голове.

Надя... о, точно, – мультиварка! Проклятие, мультиварка! – он поставил напоминание в телефон.

После этого Леонид встал, подошёл к зеркалу и, оттянув вниз свитер, уставился на рубец.

– Ну и что ты такое делаешь? – поинтересовался он вслух негромким голосом, искренне надеясь, что медсёстры в коридоре его не слышат. Хотя... какая разница, у него, блин, глаза светятся! Кому как не медсёстрам отделения об этом знать!

След от ожога, разумеется, молчал. С минуту погипнотизировав похожий на отпечаток трёх пальцев рубец, Леонид вернул ворот свитера обратно. Тут и в дверь постучались – пришли за консультацией с ревматологии.

Обычная дежурная суэта снялась с паузы, и в ординаторскую Леонид вернулся только во втором часу ночи. Подумав пару секунд, стоит ли застилать диван в ординаторской, он скинул обувь и моментально провалился в тяжёлый, мутный сон без сновидений.

За ночь его будили четыре раза, и все – без особого повода.

Глава 5 Человек за бортом

Суббота, пятнадцатое октября

1. Брат зашёл на кухню, и свободное место в помещении тут же закончилось. Леонид, стоявший у окна, автоматически втянул живот.

Даже в его самых ранних воспоминаниях, где-то, наверное, трёхлетнего возраста, Боря выглядел самым настоящим гигантом, какое-то время маленький Лёня был уверен, что в стихотворении о Робине-Бобине на самом деле спрятан его брат, уже тогда, в подростковом возрасте (разница между братьями составляла солидные семнадцать лет) пребывавший в весовой категории молодого бычка.

Прошедшие двадцать лет только увеличили Борю. В настоящий момент его вес готовился с ликованием взять отметку сто пятьдесят, а размер желудка мог бы всерьёз привлечь внимание специалистов-маринологов, изучающих Марианскую впадину.

Иногда при взгляде на брата, Леониду волей-неволей представлялся некий мультипликационный кит: огромный, дружелюбный и весёлый. Хотя в тех морях, где обычно плавал Боря, он был скорее акулой: жёсткой, зубастой и цепкой.

Посмотрев с сомнением на табуретку, Борис тяжело выдохнул и очень медленно сел. Леонид задержал дыхание и в мыслях перекрестился. Раздался треск, больше напоминающий стон и... табуретка выдержала.

– Не хочешь найти другую квартиру? – предложил Боря, тщетно пытаясь уместить обе ноги под столом. – С нормальной кухней?

– Нет, спасибо, мне здесь хорошо, – автоматически ответил Леонид, параллельно тщательно осознавая брата. На мгновение ему показалось, что что-то с Борей не так, какая-то тень виделась в его будущем, но... Внезапно ощущение тревоги, так и не выразившееся ни во что конкретное, исчезло и Леонид с облегчением выдохнул: иногда его странный дар мог срабатывать вхолостую.

– Тогда следующий раз приезжай ты ко мне, – сварливо заявил Боря, наконец-то умудрившись хоть как-то пристроиться за столом.

Леонид поставил перед старшим братом кружку – особую Борькину, практически литровую, и так же дежурно спросил:

– Сколько кофе?

– Я сам. Дай сюда! – Боря выхватил из рук Леонида пакет растворимого Nescafe и кинул в лохань, ошибочно сделанную похожей на кружку, ложек десять коричневых кристалликов. Затем взял сахарницу и, перевернув, вытряс в кружку чуть ли не половину её содержимого. – Теперь кипяток! – удовлетворённо кивнул он, глядя на коричнево-белую груду, занявшую четверть кружки.

Леонид покорно залил получившуюся бурду горячей водой. Боря тщательно размешал напиток, скривился и добавил ещё кофе и сахара.

– Колбаса. Сыр. Сырая курица. Яйца. Помидор, – опережая следующий вопрос брата, Леонид распахнул холодильник и принялся перечислять содержимое. – Два пива, – Леонид вздрогнул, увидев стоявшие в холодильнике ещё с того вечера бутылки. Чего-чего, а пива после Сашкиной гибели, Леониду не хотелось совершенно, и он подозревал, что эта неприязнь останется с ним навсегда.

– Плохо живёшь, – констатировал Боря и обречённо кивнул: – Тащи всё, кроме куры. А

яйца тоже сырые? – уточнил он с печалью в голосе.

– Сварить?

– Не надо, – обречённо вздохнул Боря. – Летишь к брату из Штатов, торопишься, а он даже покормить нормально не может! – демонстративно пожаловался Боря и тут же расхохотался, увидев изменившееся лицо Леонида: – Шучу я, шучу! Я знаю, что у тебя никогда ничего нет. На самом деле, я хотел предложить тебе сходить в какой-нибудь ресторан, поужинать.

Поужинать, в понимании Бори, включало в себя минимум четыре перемены блюд. Леонид подумал и отказался:

– Прости, давай не сегодня. Я с суток и завтра тоже смена. Может на неделе? – доктор заварил себе кофе – адекватный объём в адекватной кружке и сел напротив брата.

– Ты знаешь, я дома не ужинаю. Звони и подъезжай. Или я тебе водителя пришлю.

– Да сам приеду, – смутился Леонид.

– Как знаешь, – огромные плечи поднялись и опустились. Взгляд брата вновь рассеяно загулял по кухне. – Да... – протянул брат, закончив осмотр помещения. – Без Нади здесь, конечно, грязнее, зато места больше. Это, пожалуй, единственный плюс. Не думаешь вернуть всё обратно?

Леонид вздохнул и покачал головой:

– Нет. Мы с ней... – Леонид пожал плечами, – Не подходим друг к другу. Неважно...

– Жалко. Не получишь от меня свадебного подарка! – усмехнулся брат. – Я-то уже обрадовался, что хотя бы ты женишься... Мама бы расстроилась, – цокнул зубом, параллельно откусывая здоровые куски от палки колбасы, Боря.

– Мама бы расстроилась... – печально согласился Леонид. – А может и нет... Сам лучше женись, – полушутливо парировал доктор.

Боря брезгливо поморщился и отшутился:

– Мне не жена нужна, а домашний шеф-повар. Если встретишь женщину-шефа, сообщи мне, я, так и быть, приеду, попробую её стряпню. Если в рот класть можно...

Это была традиционная отговорка брата, которую он повторял каждый раз, стоило речи зайти о гипотетической свадьбе. Леонид вздохнул.

2. Борьке он позвонил на следующей день после Сашкиной гибели. Несмотря на разницу в возрасте, старший брат хорошо знал друга Леонида, ну и вообще, после расставания с Надей и смерти Сашки, список действительно близких людей Леонида сократился фактически в три раза. Борька принялся отменять какие-то свои встречи, стоящие каждая как несколько квартир в центре Питера, но всё равно на похороны не успел. Зато приехал сегодня – прямиком из Пулково.

Леонид достал из морозилки живущую там, казалось, ещё со времён прошлых хозяев квартиры, початую бутылку водки. Выпили, помянули, поговорили. Борька, расхохотавшись, вспомнил, как его брат чуть не убил в детстве лучшего друга, перерезав ему вены на запястье, затем смутился, покраснел и замолчал.

Заметив румянец на щеках брата, Леонид улыбнулся – он очень любил своего брата, особенно в таком вот: домашнем варианте, добром и немного неуклюжим. «Рабочую» версию Бори, стоит отметить, доктор любил не меньше, но боялся. Особенно пугала та скорость, с которой брат умел переключаться между двумя своими личностями.

Брат Леонида начинал бизнес с торговли катерами, пригнанными из Финляндии. Затем

катера как-то сами собой куда-то исчезли, превратившись во что-то фармацевтические, что в свою очередь трансформировалось в сотовые телефоны, а потом во что-то ещё, невероятно сложное и каким-то образом связанное с госзакупками.

Леонид отлично помнил Яхт-клуб на Крестовском острове: сетчатый забор, длинные ряды деревянных причалов, главное здание, казалось, не понимающее всеми своими старыми рамами и ДСП-ми панелями в холле, что за перемены обрушились на него в последние годы и куда они его ведут, а скорее насильно тащат, вместе с полуразрушенными хозяйственными строениями, металлической будкой охраны и выщербленным, проваленным асфальтом парковки.

Мама тогда уже болела, и Боря постоянно таскал младшего брата с собой на Крестовский. В кафе на первом этаже покупал ему вкуснейший апельсиновый сок с иностранными надписями на картонных упаковках, высыпал на стол груды ручек (из двадцати штук обычно одна оказывалась красной и одна чёрной – в общем можно было рисовать). Из офиса наверху притаскивались ненужные бумаги, и Леонид часами что-то пытался изобразить, малюя бесконечные листы с английскими словами и длинными рядами цифр и глядя, как снуют по причалам люди с выгоревшими лицами в потёртых комбинезонах, и как солнце играет на бортах катеров и яхт.

Иногда Боря приходил к брату, смущённо осведомлялся, не скучно ли тому, а порой даже садился рядом с ним, и они рисовали вместе. Но огромная, размером с кирпич, чёрная Нокиа, всё время лежала рядом с ними на столе, словно показывая – кто здесь настоящий властитель дум Бориса. Стоило телефону зазвонить, брат только что-то с нездоровым азартом дорисовывающей Лёниной овечке очки и пятую ногу, моментально менялся. Голос становился чужим, пухлые губы сами собой складывались в нитку и даже щёки, казалось, моментально худели и подтягивались.

Лёня ненавидел Нокию, единственное, что в ней ему нравилось – это силуэт человечка с телефоном – символ Северо-Западной GSM. Такой же был изображён на сим-карте, оживляющей дьявольский аппарат. Леонид любил разбирать телефон брата, только непонятно для чего – для того, чтобы посмотреть на человечка с трубкой или для того, чтобы хотя бы на пять минут заставить чёрное чудовище замолчать.

Ту сим-карту, ещё и с пафосным номером – 42 или 62 пришлось заменить в середине нулевых по причине полного износа начинки. А телефон-кирпич как-то раз выпал из Бориной реки, прямо в тёмные воды Средней Невки. Водолазам пришлось искать его на дне несколько часов кряду. Сим-карта после купания выжила, но сам аппарат пришёл в полную негодность, поэтому Боря сделал из него пенал для брата. Бывший монстр стал вместилищем для обгрызенных карандашей и треснувших транспортиров, но на его место тут же пришёл новый...

Ещё раз выпили, помянули маму.

– Пять лет прошло, а я до сих пор никак... не привыкну, – выдавил Борька, подозрительно блеснув глазами.

Выпили ещё, поболтали: обо всё и не очень, как-то нечаянно вернулись к Сашке.

– Хочешь я позвоню... узнаю, что там и как с этим водителем? – с «рабочей» ухмылкой предложил Боря.

Леонид покачал головой:

– Зачем? Смысл? Правда он эту бабочку увидел или нет...

Кусок, точнее стограммовый шматок сыра выпал из руки брата:

– Какую. Бабочку? – раздельно спросил Боря.

– Лена сказала, что водитель рассказывает о человеке-бабочке, возникшим из ниоткуда прямо перед машиной... Боря, ты в порядке?!

– Не совсем, – ответил брат, ставший неприятного белого цвета. – Я тоже видел человека-бабочку. Мужик лет сорока с рожей алконавта в чёрной поношенной дублёнке и двумя крыльями. Такими – цветастыми, как раз как у бабочки.

Теперь и Леониду стало плохо – он вспомнил утреннее происшествие, имевшее место сразу после дежурства. А брат, сделав над собой усилие, продолжил:

– Я решил, что съел что-то не то, вот и глючит. Или задремал. А тут вот оно что...

– А где ты его видел?

– Лёнь, ты не поверишь, – всё тем же отсутствующим тоном сказал брат. В самолёте Нью-Йорк – Питер. На подлёте к Пулково. За иллюминатором.

Почему-то Леониду резко захотелось спросить брата, а почему, собственно, он летел с Западного Побережья через Нью-Йорк. Но вместо этого, он сглотнул, покрепче ухватился за пустую рюмку и вспомнил, то, что привиделось ему сегодняшним утром.

3. Утро и передача дежурства прошли нормально – Василий Михайлович не заводил больше неприятных разговоров, сменщик и вся новая бригада были веселы и доброжелательны. В коридоре с Леонидом даже поздоровалась Катерина Ивановна, причём поздоровалась, словно с простым коллегой, а не известным в больничных кругах колдуном.

Видимо, Цербер действительно прочёл кому надо лекцию о мракобесии, – отметил Леонид, одновременно почувствовав, как уголки губ поднимаются – он действительно не хотел терять работу.

В таких обстоятельствах даже куривший вопреки всем законам и указам прямо на выходе из клиники охранник Дима не мог испортить Леониду настроение своей привычкой подсаживаться на уши докторам, спешащим домой после ночного дежурства.

Бритый налысо сорокалетний Дима, стоически терпевший все тяготы ношения форменной куртки на два размера меньше, был совершенно эталонным охранником, настолько, что Леониду порой хотелось проверить – не краешек ли штампа Палаты Мер и Весов синее у того из-под левого рукава.

Дима три раза в день обходил территорию клиники, гонял медсестёр и врачей женского пола из курилки, кидал угрожающие взгляды в сторону курящих представителей мужского пола, обнаруженных там же, запирали дверь на два засова в 21:00, громко смотрел телевизор и испарялся без следа, стоило в клинике произойти чему-то из ряда вон выходящему.

А ещё он любил поболтать. В особенности с докторами после смены.

Глазами спросив разрешение присоединиться к нарушению закона о курении, Леонид вдохнул первую самую сладкую порцию дыма и, краем уха слушая Димины разглагольствования, принялся оглядываться по сторонам.

Тротуары были усыпаны медово-клюквенной листвой... у охраны отобрали одно парковочное место... столетний тополь глядел в это утро по-особенному грустно в своё отражение в реке... на той стороне будут переделывать въезд: добавят два шлагбаума, ворота и собаку с будкой... у входа в аудиторию стояла толпа студентов в не по-рабочему белоснежных халатах... бабка какая-то в шесть утра разбудила, в двери ломилась, дура старая... по парковке потерянно бродил вчерашний незнакомец в дублёнке, чуть ли не тыкаясь в автомобили, напоминая тем самым осеннюю муху, бьющуюся о стекло...

Вчерашняя шутка, про «а он тебя – хвать!» внезапно перестала быть смешной.

Разумеется, товарищ в дублёнке ищет именно тебя! – попытался успокоить себя Леонид, но прозвучало это как-то неубедительно.

– Дим, а что это за мужик на парковке? – перебил словоохотливого охранника Леонид. – Вчера здесь бродил, сегодня опять. Что он ищет?

– Какой мужик? – явно не понял Дима.

– Вот, у Вольво ходит! – он показал рукой.

– Леонид Николаевич, – неприятно уставился на собеседника охранник. – Там нет никого!

Леонид мог поклясться, что не отводил взгляда, что ещё мгновение назад странный мужчина маленькими шажками кружил у машины проректора, но...

Никого там не было. И вообще на парковке не было ни одного человека.

Что-то внутри дёрнулось и куда-то упало.

– Я пошутил, – зачем-то заявил Леонид и, наскоро распрощавшись с удивлённым охранником, поспешил в сторону своей машины.

Открыв дверь, он на всякий случай, осмотрел салон – нет, никаких мужчин, в дублёнках и без оных.

Опустившись на сиденье, Леонид защёлкнул все замки и затряс головой.

К приходу брата, он практически убедил себя, что исчезновение незнакомца на парковке ему просто почудилось и что на самом деле, разумеется, тот просто сел в одну из припаркованных автомобилей и что даже одна из машин была заведена, когда он проходил мимо и что всё это бред...

Веры, как оказалось, хватило ненадолго.

Глава 6 Рубец на шее

Суббота, шестнадцатое октября

1. В дверь позвонили:

– Добрый вечер, Леонид Николаевич, – вежливо поздоровался с Леонидом Паша – двухметровый бугай с подозрительно топорщимся в районе левой подмышки пиджаком, Борин водитель. И не только водитель, – как всегда подметил доктор, обмениваясь формальным рукопожатием с Пашей, – такое изменение кожи тыла ладоней и пальцев можно заполучить, если очень, очень постараться свести на нет старые татуировки. Паша появился в жизни брата достаточно давно, лет пять назад, но Леонид до сих пор не принял окончательного решения – успокаивало ли его наличие у Бори своего охранника или наоборот пугало. Потому что, как известно, охрану без нужды не нанимают.

На кухне, умирая, простонал табурет и через несколько секунд коридор заполнился старшим братом, немного успокоившемся и даже, скорее всего поверившим в то, что летающий человек ему в самом деле привиделся. Причём сделал это Боря практически самостоятельно без особой помощи Леонида. Бухнул в себя ещё одну чашичку кофе и вслух, в течение пяти минут, путём абсолютно логических рассуждений, доказал, что всё это бред, глупости и странные совпадения.

Что «увиденное» водителем КамАЗа – пусть остаётся на его же совести и нежелании нести ответственность за совершённую ошибку.

И что «галлюцинация» в самолёте – именно галлюцинацией и была, иначе и быть не могло – не зря он, Боря, почувствовал в тот самый момент резкое головокружение и сонливость Женщина в соседнем ряду, он запомнил, тоже зевала и держалась за виски. А главное: никто, никто из пассажиров бизнес-класса больше никого не видел в окне.

Может действительно не видел, – вспомнив Димину реакцию, не смог не согласиться Леонид. А может и видел, да промолчал, – кому охота считаться потенциально опасным психом!

Выйдя на секунду в ванную, он побрызгал холодной водой в лицо и спросил, глядя на своё отражение.

Верю ли я что исчезнувший мужчина на парковке и летающие люди из рассказов брата и водителя – один и тот же человек?

Нет, не верю, хотя очень боюсь этого.

Уверен ли я, – продолжил Леонид экспресс-допрос, – что всё, что видел я было на самом деле?

Отражение покачало головой.

И главный вопрос, – доктор уставился на гладкую поверхность, – уверен ли я, что моему брату что-нибудь угрожает в связи со всей этой странной ситуацией?

Отражение вновь покачало головой, а Леонид вернулся на кухню. Внимательно посмотрев на брата, он убедился, что жизни того в ближайшее время ничего ненасильственного не угрожает и в сотый, тысячный, миллионный раз пожалел о том, что не может видеть угрозы в будущем, связанные с насилием.

Позже, вспоминая этот момент, Леонид задавался вопросом – а мог бы он что-то реально изменить тогда? На самом деле нет. От него уже ничего не зависело. Но это было слабым утешением.

2. Убедив самого себя в том, что всё в порядке, брат засобирился домой, а точнее – ужинать – в ресторан. Мамаево побоище, учинённое Борисом продуктам в холодильнике Леонида, по меркам старшего брата могло называться, максимум, лёгким перекусом.

Братья обнялись в коридоре или, иначе говоря, сто пятьдесят килограммов живого веса на несколько мгновений сосредоточились вокруг Леонида:

– Лёнь, не забудь, мы послезавтра ужинаем вместе, – Леонид кивнул, брат двинулся в сторону двери, но обернулся ещё раз: – Слушай... – что-то блеснуло в глазах старшего брата, – хочешь, переезжай пока ко мне, чего тебе в одиночестве здесь грустить!

А может это тебе, Борь, тоскливо и грустно в своих двух сотнях квадратных метрах? – чуть не спросил Леонид, но вовремя остановил себя. Не при Паше же, молчаливой статуей застывшем на лестничной клетке, вести такие разговоры! Да и вообще: надо ложиться спать и надеяться, что завтра все летающие и исчезающе мужики в дублёнках превратятся в ноль, в странную, привидевшуюся глупость.

– Спасибо, – улыбнулся Леонид, – но я привык здесь жить. – Про ресторан – всё в силе! – доктор постучал пальцем по виску: – Всё записано на жёсткий диск.

– Отлично, – улыбнулся Борис и пошёл в сторону лифта.

– До свидания, Леонид Николаевич, – Вновь узкая ладонь доктора исчезла на мгновение в Пашиной руке.

– Боря, подожди! – внезапно крикнул Леонид, вспомнив что-то. Брат обернулся:

– Что-то забыл?

– Спросить хотел... Тебе ничего не говорит слово «Эобара»?

Борис наморщил лоб, через секунду покачал головой:

– Первый раз слышу, – затем в голосе зазвучала надежда: – Звучит как ресторан. Хочешь мне какое-то место посоветовать?

– Нет-нет. Просто... – Леонид махнул рукой. – Забудь. Не бери в голову.

Стоя в лоджии, он проводил взглядом чёрный Вольво, съезжающий с газона напротив дома, дождался, пока автомобиль миновал проклятый перекрёсток и вернулся на кажущуюся необычайно большой и пустой кухню.

Призрак на кладбище, исчезнувший мужчина... На кухонных электронных часах было десять минут первого: 01:10. Внезапно вспомнилось, что в какой-то книжке встречи подобных комбинаций указывали на обострившуюся связь с потусторонним. Только этого ещё не хватало до полного счастья!

– Шли бы вы в жопу! – рявкнул Леонид на часы. Длинная стрелка дёрнулась и перескочила на одно деление.

Исчезающий, подозрительно выглядящий мужчина...

Звонить совершенно не хотелось, но не позвонить он не мог. Решив начать с более простого разговора, Леонид набрал Лену.

Та, к счастью, ещё не спала, но помочь ничем не смогла. Никаких подробностей о «увиденном» водителем человеку девушка не знала, зато в результате на целых сорок минут подседа тому на уши, рассказывая что-то о своей жизни... ну, или вспоминая институт – Леонид практически ничего не понял, думал о другом. К концу беседы неожиданно выяснилось, что они с Леной в следующее воскресенье идут в Мариинку. Тут Леонид вернулся на некоторое время в реальность, но только для того, чтобы осознать, что Лена настроилась всерьёз на балет и возможно не только на балет...

– Лена... – задумчиво хмыкнул Леонид, повесив трубку. – Лена...

Хотя... а почему и нет? Он теперь абсолютно свободен. Главное не тронуться рассудком за оставшуюся неделю.

Выкурив для храбрости две сигареты подряд, Леонид набрал ещё один номер, надеюсь, что тут-то разговор не закончится внезапным свиданием.

– Привет. Я ненадолго. Надо кое-что спросить... – В трубке гремела музыка, чьи-то пьяные голоса орали что-то нечленораздельно. Понятно, – отметил Леонид. – Все решили сходить на балет.

– Сейчас. Подожди секунду, я выйду! – оглушительно прокричала Надя в трубку. Спустя минуту каких-то загадочных шебуршаний, одно из которых было явно похоже на звук поцелуя, на той стороне провода стало несколько тише: – Спасибо за мультиварку. Мама написала, что ты её завёз. Всё нормально прошло?

– Нормально, – ответил Леонид, вспоминая быструю и действительно безболезненную встречу с несостоявшейся тещей.

– Ты что-то хотел спросить, – напомнила Надя, температурой голоса напоминая свою мать. Ладно, голос бывшей невесты был всё же капельку теплее – на несколько сорокоградусных шотов. – Мне сейчас не очень удобно говорить...

Конечно – неудобно, это, как минимум, слышно, – зло подумал Леонид, но собрался и выбросил все ненужные мысли из головы.

– У меня маленький, но странный вопрос... – доктор неуверенно замолчал, чётко представляя, что он скорее всего услышит в ответ, но затем, выдохнул и решительно выпалил остаток фразы: – Ты в последнее время не видела людей-бабочек или просто людей с крыльями?

Прозвучало действительно не очень. Леонид морально приготовился к взрыву, но того почему-то не последовало.

На том конце провода было тихо, слышались только какие-то невнятные шорохи. Будто тараканы бегают по проводам или... бабочки летают, – отметил он. Так и не дождавшись ответа, Леонид спросил:

– Ты там?

– Да, – медленно ответила Надя. – Я-то здесь, а вот ты... Лёнь, с тобой всё в порядке? Что за бред ты несёшь? Ты там ничего... не употребляешь? Может мне... приехать? – некоторый демонстративный надлом, прозвучавший в последней фразе, практически свёл на нет её смысл.

– Нет, всё нормально. Ничего не употребляю, даже алкоголь не пью. Не волнуйся. Это просто... – Леонид судорожно пытался выкрутиться, – такая шутка была...

В течение тридцати секунд, пока Леонид не повесил трубку, он узнал много нового о себе, своих шутках, своём происхождении и прочем, и прочем. Но, главное он выяснил – никаких бабочек Надя не видела, иначе бы так не отреагировала. Это радовало.

В прихожей Леонид остановился перед зеркалом:

– Ну, если ты решил таким образом дожечь все возможные мосты, то я тебя поздравляю! Молодец! – ехидно сообщил он отражению. – Тактика было выбрано совершенно верно!

Человек в зеркале никак не отреагировал на произнесённые слова и вообще выглядел бледным, усталым и не особо довольным жизнью.

Ещё бы! Сутки через сутки кого угодно ушатают, – спорно утешил себя Леонид.

– А может, ну всё это к чертям и в отпуск? – осведомился доктор у своего зеркального

двойника. – На Юг на неделю. Валяться на пляже с книжкой, по вечерам пить пиво в гостиничном баре, загорать...

На последнем слове голос Леонида стал совсем тихим. Загорать ему не хотелось. Он оттянул свитер и устоялся на рубец, который, разумеется, находился на своём законном месте.

Как тогда с Надей в Геленджике – скривился Леонид. – Уважаемые отдыхающие! Только сегодня на нашем пляже уникальное зрелище – человек с пятном на шее! Смотрите в оба глаза! Обсуждайте вслух! Кривите рты и фыркайте в стороны! Можете разрешить своим детям подойти к странному дяде и спросить – что у вас с шеей? Ему будет весело и интересно найти ответ на этот вопрос без использования ненормативной лексики!

3. Леонид знал историю появления рубца наизусть. В его голове она звучала таким надоедливым рефреном, напоминая не то молитву, не то русскую народную сказку.

Сказку про рубец.

Про то, как мама решила сделать котлеты и налила в старорежимную чугунную сковородку (ещё без ручки, с чапельником) подсолнечное масло.

Про то, как, услышав звонок в дверь – пришла какая-то её подруга, мама пошла в прихожую и в этот момент на кухню прибежал семилетний Лёня.

Про то, как услышав грохот и дикий вопль, мама стремглав вернулась обратно, но было уже поздно. Леонид лежал на полу, рыдая и хватаясь рукой за залитую маслом, покрывающуюся на глазах пузырями шею.

Про Скорую помощь, которая никак не могла прорваться сквозь пробки, про ожоговое отделение 1-й детской больницы, про коньяк доктору и конфеты медсёстрам...

Это была красивая история, но один нюанс превращал её в сказку – ничего из этого Леонид не помнил.

И да, конечно, отсутствие воспоминаний можно было списать на малый возраст, на стресс, на прошедшие девятнадцать лет, но:

В тоненькой папочке, где хранились все медицинские документы маленького Лёни, начиная с рождения, отсутствовали не только выписка из 1-й больницы, но и любые упоминания о полученном ожоге. И это действительно было странно.

Также странно выглядело мамино лицо, в те минуты, когда она рассказывала сыну эту историю – словно повторяла какой-то намертво закрепившийся в памяти текст. Боря, кстати, на все вопросы путанно отвечал, что отсутствовал тогда в городе – но где он был, старший брат ответить не мог.

Но и это всё можно было каким-то образом объяснить и принять, если бы не то, что помнил Леонид.

А в воспоминании Леонида не было места ни сковороде, ни маслу, ни 1-й детской больнице.

В его воспоминаниях всё случилось ночью.

Он проснулся от дикой боли в шее, в мокрой кровати, и несколько секунд мучительно пытался вспомнить, как же это – дышать. Наконец, смог вздохнуть воздух и закричать и почему-то очень долго никто не откликнулся, а он кричал и кричал, но без толку...

А потом почему-то резко наступал день, на шее мальчика красовалось безобразное чёрное пятно: сформированное, без каких-либо бинтов или повязок, а мама рассказывала ему в первый, но отнюдь не в последний раз, историю об упавшей сковороде...

Почему он так похож на отпечаток трёх пальцев? Словно кто-то коснулся его шеи грязной, запачканной в угле рукой? Словно кто-то поставил на него свою метку?

Незаметно для себя, Леонид вытащил из кармана Сашкин пятак и принялся крутить его пальцами.

Что правда? Воспоминания семилетнего мальчика или же слова взрослых? Есть ли в этой истории что-то кроме параноидальных мыслей? Могло же быть, в действительности всё так, как рассказывала мама? И рубец – это просто ожог экзотической формы и не более того. А то, что он начинает ныть, когда Леонид осознаёт своих пациентов, так надо бы ещё разобраться – не бред ли это тоже, не начало шизофрении?

И при чём тут его детские кошмары, начавшиеся после появления рубца и вернувшиеся в то же время, когда он начал осознавать больных?

...Пальцы «катали» пятак всё быстрее и быстрее, Леонид попытался остановить монету и с ужасом понял, что не может – рука стала будто чужой и уже не слушалась его. А пятак все ускорялся и ускорялся, пока, наконец, движения бронзового кругляша не слились в одну сплошную ленту...

И в этот самый момент Леонид раздвоился.

4. Да, он продолжал стоять у себя в коридоре и смотреть в зеркало на игру бронзовой монеты в взбунтовавшихся пальцах, чувствуя при этом, как сквозняк с незакрытой лоджии метёт по ногам, но, одновременно с этим, он ложился спать в совершенно другой, прекрасно знакомой ему, проданной несколько лет назад квартире, выпив стакан молока (обязательная часть ритуала отхода ко сну) и просимулировав в течение нескольких секунд чистку зубов.

В одно и то же время, двумя парами абсолютно одинаковых глаз, он смотрел на монету в своей-чужой руке и при этом сонно разглядывал потрескавшуюся и пожелтевшую побелку потолка своей детской комнаты. Проваливаясь в сон, маленький Лёня всегда пытался разглядеть в затейливом калейдоскопе из отколотых кусочков штукатурки и трещин на потолке каких-то волшебных и прекрасных существ, таящихся там: дракона, сфинкса, единорога...

А потом Леонид уснул. Нет, оба Леонида уснули: усталый и напуганный парень у зеркала, тщетно пытающийся совладать с обезумевшими пальцами и маленький, совсем недавно научившийся самостоятельно чистить зубы, но уже старательно отлынивающий от этой занудной процедуры, мальчик.

Но, если маленькому Лёне снилось непонятно что, то большой Леонид видел во сне всю ту же самую комнату, и мальчика, спящего на узкой, ГДР-ой тахте с продавленным центром и ходящими ходуном лакированными ножками. Он даже успел подметить, что, оказывается, спать в позе «звезды»: на спине, конечности разбросаны по сторонам, на лице – улыбка короля мира, он начал уже двадцать лет назад.

Это та самая ночь! Так что смотри внимательнее! – сказал Леонид сам себе и тут же добавил: – И прекрати, наконец, перестать крутить монету – здесь ни её, ни зеркала, ни даже тебя физически нет...

Закончить внутренний диалог он не успел. В комнату зашёл человек.

Не через дверь и даже не через приоткрытую форточку.

Худощавый, одетый в ярко-синий джинсовый костюм, измазанный в штукатурке, он появился прямо из стены. Леонид готов был поспорить, что у их тогдашней соседки, пожилой, полусумасшедшей кошатницы Марьи Петровны в жизни не было таких гостей, тем

более, гостей, которым бы вздорная женщина разрешила бы пробить дыру в капитальной стене...

Глядя на незнакомца, Леонид ощутимо напрягся. Что-то с ним было не так. И дело было вовсе не в паранормальных способностях.

Пользуясь своим физическим отсутствием в помещении, Леонид пристально оглядел мужчину.

Одно было очевидно. Никогда в жизни он этого человека не видел.

Иначе он наверняка запомнил бы огненно-рыжую шевелюру с длинными бакенбардами, тяжёлый, бульдожий подбородок и серые, насмешливо-равнодушные глаза, посаженные глубоко в несколько непропорционально большую голову.

Визитёр тем временем отряхивал куртку и волосы от мелких кусочков шпукатурки (Обои при этом выглядели совершенно неповреждёнными). Мусор сыпался на пол, и Леонид внезапно почувствовал крайнюю неприязнь к незнакомцу, а секунду спустя чуть было не рассмеялся над своей нелепой, в данной ситуации, реакцией.

Окончив чистку куртки и продолжая игнорировать присутствие в комнате спящего мальчика, гость принялся за джинсы.

Франт, – фыркнул в отсутствующий нос Леонид и внезапно понял, что было не так в незваном госте. Не считая, разумеется, способности проходить сквозь стены.

Джинсовый костюм!

Леонид достаточно хорошо помнил, что в те годы многие ходили в чём-то подобном, но на мужчине всё это смотрелось совершенно чужеродно. Будто тот был не очень хорошим актёром, которого нарядили для роли в фильме про девяностые костюмеры, также не заставшие то десятилетие.

Тем временем, визитёр, закончив возиться со своей одеждой, направился к кровати. Маленький Лёня всё так же спал и даже блаженно улыбался во сне – видно ему снилось что-то хорошее.

Леонид напрягся и попытался податься вперёд со своего «наблюдательного пункта» в углу комнаты, но ожидаемо обнаружил, что это невозможно.

В этом спектакле он мог участвовать только в роле зрителя – немого и неподвижного.

Поглядев несколько секунд на малыша, мужчина улыбнулся, а затем сделал в воздухе несколько пассов рукой – впрочем, без каких-либо спецэффектов.

Сейчас эта сволочь со мной что-то сделает! – Леонид не мог найти себе места. – Урод!

Но... ничего не произошло. Ещё немного постояв у кровати, мужчина облизал губы, широко улыбнулся и достаточно громко произнёс, будто провозглашая что-то:

– Эобара!

После чего подошёл к стене и... шагнул в неё. Спустя секунду обтянутая синей джинсой спина сгнула в зелёных обоях.

Итак, поздравляю! – трагическим голосом сообщил себе шокированный Леонид. – В детстве ты стал жертвой педофилов-стеноходителей! К счастью, они тебя не трогали, просто приходили, махали руками и говорили дурацкие слова. О-хре-неть!

Честно признаться, смешно ему не было. Страшно было. А ещё было очень неприятно и противно, будто бы все, что он знал с детства, оказалось обманом и даже его детская комната, на деле, была проходным двором для неприятных паранормальных существ. А главное, что всё-таки значит слово Эобара? И при чём здесь рубец?

На открытой лунному свету шее мальчика не было ничего. Рыжеволосый визитёр явно

не имел никакого отношения к рубцу.

Чувствуя раздражение, Леонид попытался проснуться, а точнее, вернуться в настоящий мир, к зеркалу в своей квартире – но нет.

Ничего хорошего это не значило. Вероятно, – понял Леонид, – сейчас будет вторая часть Марлезонского балета. Вполне возможно, рыжий пошёл за раскалёнными щипцами и сейчас вернётся!

Чтобы хоть как-то занять время, он принялся разглядывать свою комнату: старый комод в углу комнаты, детские игрушки в большой картонной коробке напротив кровати, огромного плюшевого бегемота, сидящего в изголовье кровати. Леонид и не помнил, что у него была такая игрушка в детстве.

Ему было грустно и тоскливо. В ванной перестала литься вода, послышались шаги.

Мама... – горько подумал Леонид и проклял всё на свете, что он нем и бесплотен и что не может распахнуть дверь, обнять её и сказать все, что не успел...

В комнате появился второй гость, и все мысли о прошлом моментально вылетели у Леонида из головы.

У второго гостя не было лица, да и со всем остальным у него были проблемы.

Леонид вообще не был уверен – являлось ли человеком то, что возникло посреди комнаты из ниоткуда.

Словно кто-то швырнул в центр комнаты дымовую шашку и, по какой-то причуде природы, чёрный густой дым обрёл жизнь, сложившись в силуэт человека – высокого, с длинными руками и ногами и вытянутой головой брахицефала. На месте лица не было ничего – только завихрения того же чёрного дыма.

И тут существо фыркнуло под нос, которого у него не было. Звук прозвучал абсолютно по-человечески, хоть и достаточно неприятно.

Кем бы ни было существо в комнате – призраком, демоном, духом – смеяться оно могло.

И от этого было ещё страшнее.

Дымный гость, человек-без-лица направился в сторону спящего мальчика, вокруг фигуры гостя немедленно закружились маленькие протуберанцы чёрного дыма.

Такого же чёрного, как и рубец на шее Леонида.

Подойдя к кровати, визитёр тщательно оглядел игрушечного бегемота и внезапно захохотал неприятным, хриплым смехом, напоминающим скрип металла по стеклу.

К сожалению, смех не разбудил маленького Лёню, тот лишь заворочался на кровати и перевернулся на другой бок. Человек-без-лица очень характерным жестом утёр отсутствующие у него глаза и с какой-то показушной серьёзностью отвесил поклон бегемоту, словно на полном серьёзе приветствовал его.

Поздоровался с игрушкой, ну и иди куда подальше! – Леонид больше не мог беспомощно ждать окончания происходящего. – И протуберанцы свои забери!

Да, действительно, отдельные клубы чёрного дыма в последние секунды обрели волю и начали по-хозяйски летать по комнате, кружась уже не столько вокруг человека-без-лица, сколько над спящим мальчиком, который, к счастью или же, к сожалению, не был в курсе столь пристального паранормального внимания к своей персоне.

Второй визитёр изучал мальчика несравнимо больше времени, чем первый. В какой-то момент человек-без-лица, даже начал мурлыкать под несуществующий нос неизвестную Леониду мелодию.

Время тянулось как резина. Ему показалось – прошёл час, не меньше, хотя старые

ходики на стенке показывали, что с момента появления в комнате существа из дыма прошло не больше пяти минут.

Мурлыканье становилось всё громче и громче. В какой-то момент Леонид понял, что это не просто песня, это что-то гораздо большее. И, одновременно, с тем, как громкость звуков стала оглушительной (Почему никто этого не слышит?!), человек-без-лица резко поднял вверх левую руку с длинными, сложенными из чёрного дыма пальцами.

А мгновение спустя три пальца с силой коснулись спящего мальчика, и тот зашёлся истошным криком, хватаясь рукой за горящую огнём шею, в то время как ветер, налетевший в форточку, выгонял из комнаты несколько заблудившихся клубков дыма – всё, что осталось от призрачного гостя...

5. Леонид пришёл в себя резко, одним рывком, однако потребовалось некоторое время, чтобы осознать – ему не семь, а двадцать пять, почти двадцать шесть, и он не в своей миниатюрной комнате родительской квартиры на Костюшко, а у себя дома, лежит на полу в прихожей.

Шея болела, но боль эта была похожа на комариный укус, по сравнению с тем, что Леонид испытал тогда, в детстве – теперь он полностью вспомнил своё тогдашнее пробуждение среди ночи и ту боль, подобной которой он не испытывал никогда – ни до, ни после того случая.

В квартире почему-то пахло палёным. Что-то горело.

Не затушил сигарету?! – волевым усилием Леонид заставил себя подняться на ноги. Голова кружилась.

Нет, на открытой лоджии, просматриваемой из прихожей, всё было в порядке, пахло из прихожей. Оглядевшись, Леонид быстро нашёл источник запаха.

Сашкин пятак, раскалённый до бела, лежал на ламинате, который несильно дымился и, собственно, и был источником неприятного запаха.

Не рискнув повторять подвиг Фродо, Леонид метнулся на кухню, где на полочке со времён занятий по оперативной хирургии валялся пинцет. Схватив монету, он отнёс её в ванную и бросил под струю холодной воды. Облако пара мгновенно заполнило всё помещение.

Да, это было не кольцо Всевластия. Леонид умудрился избежать нового ожога – на этот раз абсолютно обычного. Или... не совсем?

Леонид вернулся в прихожую и ещё раз оценил последствие своего «транса» в виде безобразного чёрного пятна на полу, после чего покосился на себя в зеркало. Рубец, переставший болеть, был на месте – только теперь Леонид явно видел в нём отпечаток трёх пальцев

– Может, ты всё-таки что-то употребляешь? – спросил Леонид, вспомнив последний разговор с Надей, затем пошёл на кухню.

Щёлкнувший выключатель чайника вернул немного душевного покоя, а сигарета, выкуренная прямо на кухне – несколько успокоила нервы.

Мимолётное желание позвонить брату и попросить найти через его связи компетентных специалистов, Леонид подавил. Вместо этого он набрал Павла Петровича и за баснословную сумму махнулся сменами с завтра на послезавтра. Удобно, когда у человека есть ипотека – тогда любое предложение, несущее в себя хоть какой-нибудь капитал, приобретает особую привлекательность. Даже во втором часу ночи.

Скорбно покосившись на часы, Леонид в рассеянно потряс банку с растворимым кофе – после визита брата гранул осталось на доньшке. Он очень сомневался, в том, что сможет заснуть, и главное, в том, что будущий сон станет отдыхом, а не заполненным призраками кошмаром, логически проистекающем из недавнего видения.

Забранный из ванны, остудившийся пятак выглядел абсолютно таким же, как и до происшествия. Леонид посмотрел на монету, и чуть было не начал вновь крутить её между пальцами – опомнился в самый последний момент.

Хватит с меня... всего этого – решил он и убрал пятак в карман. Было ли видение вызвано монетой? Почему она так нагрелась? Что это всё значит? – тщетно искать ответы на эти вопросы он мог и завтра, а сейчас...

Спать или не спать? – с трудом сдерживая зевок, спросил сам себя Леонид.

В итоге он так и заснул, сидя на кухне и подложив банку с кофе под голову.

Разбудил его телефонный звонок. Было пять минут пятого. Осоловевший после сна в неудобной позе, Леонид удивлённо уставился на номер. Звонили из реанимации 5-й хирургии.

Опять что ли у нас дежурная трубка сдохла? – предположил Леонид. – Вот и звонят на первый найденный номер! – Он почувствовал, как внутри нарастает раздражение:

– Алло. Я сегодня не дежурю, сейчас продиктую наш городской, – ответил он скороговоркой.

– Лёня, стой, я по другому делу, – ответил знакомый доктор из хирургической реанимации... Гена... или Жора, – Леонид не помнил. – Тут такое дело... – на этих словах, он почувствовал, как где-то в глубине тела у позвоночника неторопливо заворочался какой-то мокрый слизняк. – У тебя есть брат Борис?

Слизняк заполнил всё тело и сдавил глотку:

– Что с ним?

– Жив, не беспокойся, – ответил Гена-Жора. – Его только что из операционной к нам перевели.

– Что с ним?! – крикнул Леонид, одновременно пытаясь надеть ботинки.

Реаниматолог на том конце трубки задумчиво откашлялся и, наконец, неуверенно ответил:

– Э-мм, знаешь... такое ощущение, что ему пытались отрезать голову. Он сейчас стабилен, но вообще... Приезжай. На месте поговорим, – Гена-Жора повесил трубку.

Пока Леонид ехал на такси в клинику, ему успели позвонить Паша-водитель и сиплый мужчина, представившийся капитаном полиции.

Глава 7 Страхи. Старые и новые

1. 1881 год

Отец Петра с детства пытался научить своего малокровного сына верховой езде. Мальчик сопротивлялся, как мог: притворялся больным, плакал, прятался. Лошади, следует заметить, тоже не испытывали желание нести на себе рыдающего и сучащего ногами барчука и то и дело норовили скинуть или ухватить зубами.

Отец не сдавался. Он хватал в охапку захлёбывающегося слезами сына и, сжав крепко-крепко, упорно сажал на спину старого, практически слепого Инцината. И, что бы мальчик ни делал, как бы не пытался высвободиться, плюясь и пытаясь цапнуть отца зубами, ничего не помогало. Отец держал намертво.

Так же, как держало его сейчас Чудовище, ворвавшееся в комнату и завалившее Петра на пол в нескольких метрах от спасительного окна. В нос бил отвратительный кислый запах, а два нечеловеческих глаза – оранжево-фиолетовых, без зрачков и радужки, смотрели на жертву и одновременно сквозь неё, куда-то значительно дальше и глубже.

По сравнению с собой в детстве, Пётр значительно возмужал, а скорее раздобрел, но все его силы были ничтожны по сравнению с той мощью, с которой Чудовище давило на него, прижимая к полу руками и ногами – холодными и слишком твёрдыми для того, чтобы быть человеческими.

Рот... нет, не рот, пасть, щетинящаяся сотней мелких зубчиков, распахнулась и что-то длинное и тёмное – похожее на хоботок комара, только в десятки раз толще и длиннее, начало медленно выдвигаться оттуда.

Пётр кричал как оглашённый, но никто не спешил к нему на помощь. Судя по всему, другие обитатели меблированных комнат в ужасе попрятались, стоило только им услышать грохот выбиваемой двери и вопли Петра.

Жалкие трусы! – Он не испытывал иллюзий на тему того, что другие жильцы могли бы справиться с Чудовищем, но, они могли хотя бы отвлечь его и дать Петру время, чтобы спастись бегством.

А потом, в голову Петра внезапно пришло непонятно откуда взявшееся понимание – никто в доме ничего не слышит.

Хоботок, растущий из глубины оскаленного рта: омерзительный, тёмно-коричневый, покрытый волосиками и какой-то слизью неумолимо опускался ниже и ниже, целясь прямоком в шею Петра, словно намереваясь оставить поцелуй на бледной, залитой потом коже...

Если бы не шок, в котором пребывал Пётр, он бы возможно заметил некую иронию судьбы: именно так, придавливая своим весом, он предпочитал «общаться» с симпатичными служанками...

Хоботок был уже совсем близко...

...острая боль, которую тотчас же сменилась зверским холодом, побежавшим, поскакавшим по всему телу от раненой шеи; всхлип, будто бы из полупустой ванны вытащили затычку и окончательно перешедший на визг крик Петра, отчаянно дёргающегося под убивающим его Чудовищем.

Последовал ещё один острый укол боли, и хобот вышел из раны на шее: теперь уже не тёмно-коричневый, а тёмно-красный. Хватка Чудовища ослабла и, высвободив обе руки,

Пётр оттолкнул от себя убийцу. Чудеса, но ещё недавно казавшееся стотонным чудовище, отлетело от него в сторону с поразительной лёгкостью. Из пасти с торчащим хоботком раздался странный звук – то ли плач, то ли хохот.

Вскочив на ноги, Пётр ринулся вперёд на монстра, который почему-то двигался теперь медленно и как-то неуверенно.

Удар! – нелепый, неправильно сложенный кулак втыкается в грудь Чудовищу.

Что-то хрустит, будто тараканья спинка под каблуком. Противника кидает назад.

Ещё удар!

Вновь тот же самый звук – не то смех, не то рыдание.

Удар...

Третий раз Пётр ударить не успел. Вновь возвратив прежнюю скорость, Чудовище, одна из рук которого безжизненно висела, ринулось на него, швырнуло со всей дури об стену и, выбив стекло, выпрыгнуло в окно. За его спиной распахнулись яркие, оранжево-красные крылья.

А Пётр, всхлипнув, зашатался и сполз по стене. Минутная горячка отпустила его. Взятые ниоткуда силы закончились.

По груди текло что-то мокрое и горячее, штаны были напротив холодны, но не менее влажны. Позвоночник горел огнём – тварь умудрилась сломать мне хребет, – подумал Пётр, уже чувствуя, как его душа покидает тело.

В последний момент вспомнились слова старой дуры-цыганки: «Ждёт смерть тебя, барин в лесу, который не лес, от человека, который не жив, и не мёртв и, вообще, не человек. Бойся фонарей, в них – гибель твоя».

– Дура, выкуси, – пробормотал Пётр и умер.

Чья-то нога с силой впечаталась ему в бок. Незнакомый каркающий голос со слышимым презрением произнёс:

– Вставай, увалень, если хочешь жить! Вставай!

– Я умер, – не согласился с требованием незнакомца Пётр.

Новый пинок был ещё более чувствительным:

– Нет, не умер. И тебя впереди ждёт мир, полный чудес и волшебства. Только, чтобы в него попасть, тебе надо оторвать свою грязную задницу от пола! Альтернатива есть, но она тебе не понравится. Или ты хочешь ещё сладостных объятий своего нового друга?!

2. Лестница, ведущая из Мастерской в Город, упоминалась минимум в легендах пяти различных миров. Однако, ни в одной из них не рассказывалось о её важной особенности – высоких мраморных ступенях, которые могли доставить крайне много неудобств старому человеку с больным коленом.

«Трижды клятая... (шаг), поганая (ещё шаг), рождённая ущербным разумом (ещё один) лестница! Уфф, – Читающий Вероятности перевёл дыхание, – Сто шестьдесят три» – он посмотрел за спину, а затем вперёд – к его глубочайшему разочарованию, он преодолел не более трети пути.

Спроси его, зачем он, впервые за несколько лет, покинул место своего добровольного заточения и решил выбраться в город, он бы не ответил. Застыдился бы. К счастью, гана поблизости не было, а все ткачи, встреченные им в залах Мастерской только удивлённо провожали хромящую фигуру заинтригованными взглядами. Читающий Вероятности с большим удовольствием при каждой такой встрече одёргивал рукав мантии, демонстрируя

всем желающим безобразную культу.

Даже самому себе он едва ли мог признаться в причине своего «выхода в свет». Всё дело было в том, что ему приснился сон. Обычный человеческий сон или скорее даже, воспоминание из прошлой жизни. Маленький рыночек, скрытый под сенью деревьев и дурманящий аромат свежей сдобы, поднимающийся над прилавками пекарей. Именно приснившийся аромат заставил Читающего Вероятности покинуть пределы Мастерской. Аромат и внезапное, но непреодолимое желание подержать в руке горячий, только что выпрыгнувший из печи, бублик.

О том, что ему придётся пройти все четыре проклятые сотни ступеней лестницы, в тот момент он даже не подумал.

«Может пора прекратить позориться? Вернуться в Мастерскую и, если уж тебе так нужна сдоба, сказать любому из служек о твоём глупом желании?» – поинтересовался Читающий Вероятности у самого себе и тут же зло покачал головой.

Нет. С тем же успехом он мог приказать отнести себя вниз на паланкине.

Оба варианта его не устраивали. Какое-то странное, неуловимое чувство, оставшееся вместе с ним с момента пробуждения, гнало его вниз – на городской рынок, за дурацкой сдобой. Непременно пешком.

«Что ж, маразму следует потакать!» – Читающий Вероятности продолжил спуск по ступеням лестницы.

«О, Ступени Знающих! Лестница Ткачей, Подъём к Дому Надежды!» – он нещадно костерил составителей легенд о Городе, каждый раз, когда левое колено хрустело, опускаясь на очередную разогретую солнцем (сегодня единственным) мраморную ступень. «Где же интересно, «мудрые Ткачи, взирающие с каждой площадки на множество миров?» Где «степенные мудрецы, предающиеся размышлениям о жизни и смерти всего сущего?!» Где хотя бы «свет, озаряющих каждый шаг служителей вселенной?»

Подошвы разношенных ботинок стучали по мрамору.

На площадке посередине лестницы «Двести три ступени! Чем не повод поднять бокалы!», в том месте, где начинались сады, спускающиеся по склонам холма и, таким образом, отделяющие Мастерскую от Города, Читающий Вероятности остановился, чтобы отдышаться.

Было тихо, только еле слышно журчала вода, вливающаяся в каменную чашу, сбоку от лестницы. Наклонившись над зеркальной поверхностью, Читающий Вероятности вздрогнул.

«Интересно, кто тут у нас такой красивый?!» – Он заставил себя не отводить взгляда от отражения. Заодно стало понятно, почему ещё несколько лет назад он велел убрать из своих покоев зеркало.

Из воды на него смотрел дряхлый, облезлый гриф. Сохранившиеся на голове волосы торчали в разные стороны, подобно перьям, а сутулые покатые плечи, обтянутые когда-то дорогой, но теперь практически уничтоженной равнодушием и недолжным обращением, мантии, выделяли длинную, узловатую, похожую на канат, шею.

«Да... Как же это люди от тебя с криками на разбегаются?! Ну, ничего... недолго уже осталось» – морщинистые губы дрогнули, вытягиваясь в злую улыбку, которая, впрочем, тут же пропала с его лица.

«А ведь действительно – недолго осталось», – подумал он и волна холода пробежала по его спине.

Когда-то он велел себе дожить до завершения Полотна, дожить вопреки всему, дожить

для того, чтобы... он ещё окончательно не решил для чего в точности, однако...

Как он и обещал Рохбену, он проверил всё ещё раз и, стоило признаться, получил некоторое удовольствие, глядя, как нервно поджимаются толстые, мясистые губы гана.

Всё было ровно так, как предрёк Основатель Мастерской более десяти веков назад.

Паренёк, много лет назад найденный Рохбеном, вырос, вырос и его дар, который, в дальнейшем должен был позволить ему соединить все нужные нити воедино, завершить тысячелетний труд, соткать Полотно, начал пробуждаться.

Но, к ужасу гана, он не мог лично отправиться за парнем и протащить его, тщательно оберегая от любой реальной или нереальной опасности, в Город. После того, как парень начал входить в силу, Рохбен вообще не имел возможности даже на несколько мгновений встретиться с ним, равно как и любой другой ткач.

Дар ткача – капризный и до конца непознанный требовал к себе особого отношения и не мог потерпеть «игры в поддавки».

Об этом писал много веков назад Основатель, об этом кричали во весь голос все сны Читающего Вероятности.

Чтобы Полотно завершилось, парень должен был пройти свой путь в одиночестве. Иначе Город падёт, а всё сотканное за эту тысячу лет разлетится в пыль.

А самое смешное было то, – на губах Читающего Вероятности вновь появилась слабая улыбка, – что единственным человеком, против присутствия которого рядом с парнем, не возражали ни само Мироздание, ни записи Основателя, ни сны о будущем, был его, Читающего Вероятности, бывший ученик. «Слабейший из всех нас», «маленькая трусливая свинья» – иногда даже ган мог сказать что-то по-настоящему толковое.

Улыбка на лице Читающего Вероятности сменилась гримасой боли – также, как и всякий раз, стоило ему вспомнить о своём ученике.

Он забыл много, непростительно много, однако, другие воспоминания, те, которые бы он с радостью выжег калёным железом из своей головы, оставались с ним.

Внизу у подножия лестницы было жарко и душно. Сегодняшнее единственное солнце палило сильнее, чем десяток своих менее «лучистых» собратьев. В очередной раз Читающий Вероятности вытер пот со лба и с сомнением посмотрел вперёд, туда, где за мостом, перекинутым через канал, опоясывающий холм, начинался непосредственно город.

«Может, приступ кратковременного безумия уже миновал, и ты вернешься обратно?» – поинтересовался он у себя, но, получил отрицательный ответ. Что-то внутри него продолжало требовать посещения рынка.

Покачав головой и дёрнувшись от резкой боли в левом колене, замученном спуском по лестнице, он двинулся дальше.

Перейдя мост, Читающий Вероятности осознал, что он действительно давно не был в городе. Шум оглушал, количество людей пугало. Несмотря на то, что при его появлении разговоры становились тише, а люди, почтительно расступались, по ушам всё равно непрерывно били звуки города, его голос – хриплый, болтливый, никогда не умолкающий.

Этот голос пробивался сквозь склонённые в поклонах головы с грязными, блестящими волосами, сквозь бьющее прямо в ноздри зловоние немых подмышек и изношенных башмаков, сквозь лица – толстые и тонкие, молодые и старые, одновременно такие разные, и при этом, в чём-то абсолютно одинаковые, похожие друг на друга, как две капли воды.

«Лучшие из лучших? Люди, спасённые из десятков умирающих миров?! Отребье. Просто отребье» – Читающий Вероятности шагал между прилавков, а люди перед ним, расходились

в стороны, освобождая ему дорогу.

А ведь давным-давно он потратил много лет, объясняя другим ткачам, что жители города также, как и они обладают и разумом, и волей, и какими-никакими чувствами, и не являются бесплатным приложением к Мастерской.

Сейчас подобные мысли даже не могли вызвать на его лице улыбку. Ему было непривычно и некомфортно среди толпы, он хотел поскорее найти треклятый бублик и вернуться обратно к себе, на предпоследний ярус Башни.

Пекарня нашлась быстро. Но, стоило Читающему Вероятности бросить взгляд на прилавок, он почувствовал, как испаряется овладевшее им сумасшедшее желания, оставляя на своём месте только тоску и разочарования.

Нет, среди кренделей и пышущих жаром пирожков, лежала пара бубликов, ну или чего-то похожего на них, но...

Это были неправильные бублики, не имеющие отношения к тем, что он видел во сне. И пахло у прилавка тоже неправильно. Аромат сдобы перебивался вонью забродивших фруктов и тяжёлым запахом лежалого мяса, идущим от соседних лавок.

«И ради этого ты покинул свои покои?! Ладно, раз пришёл, так возьми что-нибудь!»

Читающий Вероятности схватил первый попавшийся бублик и кинул мелкую монетку, с трудом найдённую в ящике стола, продавщице, бело-зелёной от страха.

Из горла женщины послышались какие-то спазматические звуки, вероятно, она пыталась сказать, что он может ничего ей не платить.

– Это – талисман на удачу, – непонятно зачем, сказал он продавщице и быстро, насколько позволяло колено, шмыгнул в какой-то проулок – на его счастье пустой и, благодаря, тени от высоких домов по обеим сторонам, достаточно прохладный.

Пройдя с десятков шагов, Читающий Вероятности остановился и растерянно посмотрел на бублик в своей руке, после чего, наморщив лоб, поднёс его ко рту.

Нет, определённно, это был неправильный бублик.

Чёрствый, практически ничем не пахнущий, а главное, совершенно не вкусный.

Внезапно Читающий Вероятности рассмеялся.

Сама ситуация – он, один из могущественнейших ткачей, разменявший три столетия, стоит в грязном переулке и ест, сыпля крошками, дешёвый, сухой бублик, была очень глупой и одновременно смешной.

Внезапно ему вспомнился Рамгха – его родной мир. Сколько лет, сколько десятков лет, он не думал о нём?

Тёмно-багровые стены Рангад-Рэ'мхи, священные холмы Груудхи, белые, как птичий помёт, воды реки... уже и не припомнить, как она называлась, как и не вспомнить ни других названий, ни имён, ни лиц. Всё скрыли воды забвения: ни белые, ни синие, а аспидно-чёрные, жирные, маслянистые...

А ведь тогда у него было имя, и были планы, определённые планы на жизнь. И ждало его тёплое и перспективное место при дворе местного царька и... да, была какая-то женщина, которая тоже его ждала. Не срослось. Не вышло.

Вскоре он узнал, что все женщины, царьки, весь его родной мир – не более чем пыль, песчинка на заброшенном пляже. Вскоре он потерял имя и стал Читающим Вероятности. Вскоре...

Бьющий по ушам хохот: острый, наглый, пробудил его от раздумий.

Смеялся какой-то мальчишка, у него за спиной и, немисливо, но, одновременно,

совершенно точно, смеялся над ним.

Читающий Вероятности медленно обернулся, тем временем хохот резко оборвался, сменившись криком боли и одновременно женским истошным воплем.

Позади, в самом начале переулка стояли трое: отец, мать и сын. Женщина, именно её вопль он слышал, рыдала, вцепившись руками в волосы, отец же с перекошенным от страха лицом лупил своего сына, лежащего здесь же на земле, ногами. Удары были такой силы, что тельце ребёнка, которому было, наверное, лет десять не больше, практически взлетало в воздух безжизненной тряпочкой.

«Лучшие из лучших? Люди, спасённые из десятков умирающих миров?! Отребье. Просто отребье»

– Прекратить это! – рявкнул Читающий Вероятности, одновременно отметив, насколько же его голос похож на карканье ворона.

Отец замер с отведённой для очередного удара ногой, а затем бухнулся на колени в грязь. Мальчишка остался лежать на земле – живой, но потерявший сознание.

«Может это вырождение? Нет, конечно, нет. Это специальный отбор. Наиболее слабых, податливых, готовых подчиняться. Не имеющих ни капли воли».

Он подошёл ближе, и тут же к его ногам метнулась женщина:

– Повелитель, помилуйте нас! У нас ещё пятеро детей – пощадите их, не убивайте! Заберите этого ублюдка, – кивок на безжизненное тело сына, – но пощадите всех остальных!

Следом к ногам Читающего Вероятности пополз и отец.

– Я убью его своими руками, повелитель! – стонал мужчина. – Только помилуйте нас и остальных наших детей!

Читающего Вероятности замутило от отвращения и брезгливости.

– Хватит! – голос почему-то сорвался на визг. Голова раскалывалась. Проклятый бублик! Если бы не тот сон, его бы здесь не было. Он бы сидел в своих покоях, не думая ни о чём и ждал, пока на Город опустится ночь, что значило бы, что очередной бесцельный день завершён, а значит, их – бесцельных дней, осталось на один меньше... Проклятый бублик!

– Хватит, – повторил он, делая шаг назад и тем самым, спасая низ своей мантии от поцелуев. – Никто не должен умереть, – неожиданно сказал он, удивляясь про себя не меньше родителей мальчика, уставившихся на него красными, ничего не понимающими глазами: – Ничего не было. Убирайтесь отсюда!

Мужчина и женщина всё-также стояли на коленях, не веря в услышанное. Читающий Вероятности потерял остатки терпения:

– Вы прощены, слышите! А теперь прочь! Прочь!

Читающий Вероятности поспешным шагом спешил в направлении Мастерской. Его не покидало ощущение, что он только что по ноздри окунулся в чан с нечистотами, левая рука всё дрожала, никак не желая успокоиться, культя полыхала огнём.

Проклятый бублик, проклятый Город, проклятое Полотно, проклятый он сам! Предстоящий подъем по лестнице представлялся отличной завершающей точкой в этом длинном, отвратительном дне...

«Впрочем, бывали у тебя дни и похуже...»

– Вы проявили редкую доброту, мастер. Я бы даже сказал – редкую для ткача, – из-за спины послышался мужской голос: весёлый, но не насмешливый, с некой приятной и вызывающей доверие бархатистостью, прямо как шёрстка кошки... у Читающего Вероятности никогда не было кошки... ни в той, ни в этой жизни... и вообще, видел ли он когда-нибудь в

Городе хоть одну кошку...

Перед глазами всё поплыло. Солнце в небесах вспыхнуло сверхновой звездой.

Глава 8 Опасная бритва

Суббота, шестнадцатое октября

1. Боря был жив. Десять минут назад его перевели из операционной в реанимацию. Леонид успел просунуть голову в двери отделения и увидеть брата на койке под окном, распятого капельницами и зондами, ещё плавающего в наркозных снах, и его тут же вытолкнул обратно подбежавший Гена-Жора:

– Иди, погуляй, Лёнь, не мешайся тут! Жив твой брательник. Всё в порядке. Иди. Я позову, когда можно будет.

Уехав от младшего брата, Боря поехал в роскошный ресторан, недавно открывшийся на Крестовском острове, – всё это Леонид узнал из путанного телефонного рассказа Паши.

Отужинав, брат параллельно провёл какую-то не терпящую до утра встречу, разбирая накопившиеся за время отсутствия в стране дела и, серьёзно проголодавшись, поехал на Невский, в пафосный и, по мнению Леонида, безумно дорогой ресторан при одном из центральных отелей. Уничтожив половину свиной рульки, Борис неожиданно побледнел («Будто бы увидел что-то в витрине» – слова Паши) и настолько быстро, насколько мог, покинув столик, направился в туалет. Паша едва успел проверить кабинку. Там было пусто.

Десять минут Борис отсутствовал, что никоим образом не смутило Пашу – особенности питания шефа подразумевали длительные «заседания» по двадцать-тридцать минут. В туалете была всего одна кабинка и за всё это время, разумеется, никто туда ни входил. Дверь была заперта.

А затем Паша услышал тихий, сдавленный крик и грохот. Как будто кто-то уронил на кафель мешок с картошкой, весом под два центнера.

Или как будто сто пятьдесят килограммов человеческого тела упали с унитаза.

А спустя секунду из-под двери туалета побежал красный ручеёк. Дверь была выбита за несколько секунд. Боря лежал на полу, прижимая к шее сорванный со стены вместе с креплением рулон туалетной бумаги, уже ставший из белого алым. Кровь была повсюду: на зеркале, стенках, кафеле пола. Вслед за Пашей, в туалет вбежал охранник заведения и несколько официантов:

– Там никого не было, Леонид Николаевич, – с обречённостью в голосе повторял раз за разом Паша. – В тот закуток, где туалеты, вообще никто не заходил. И в остальных было пусто – охранник ресторана сразу же проверил. Никого не было, Леонид Николаевич. Никого.

– Лёнь, я уже всё рассказал следователю, – устало вытаскивая из пачки сигарету, заявил Фёдор Абрамович, бывший преподаватель Леонида, врач, чьи сертификаты, дипломы и прочие регалии, полностью занимали три из четырёх стен его кабинета и даже пытались периодически проникнуть на заднюю сторону двери, аккуратно над крючком для халата. – Не заставляй меня повторять ещё по одному разу!

Леонид щёлкнул зажигалкой, прикуривая хирургу, и выразительно посмотрел тому в глаза:

– Ладно, – вздохнул Фёдор Абрамович. – Очень странная рана. Словно кто-то ткнул отвёрткой прицельно в проекцию ярёмной вены.

– Мне сказали, что ему пытались отрезать голову?

Хирург покачал головой:

– Головы так не режут. Это – реанимация бредит. Я помню был однажды у меня случай, ещё в армии... – Леонид, особо не скрываясь, закатил глаза, хирург осёкся и продолжил: – В-общем, как отвёрткой, но не совсем. Словно не резать пытались, а кровь выкачать... Рассечены ткани достаточно грубо...

– Какой был гемоглобин? – спросил Леонид, потирая виски.

– Восемьдесят. Но хрен знает, сколько крови он потерял в том сортире... – хирург пожал плечами. – Ты что всерьёз думаешь, что из твоего брата выкачали литр крови?

Леонид покачал головой.

Что случилось с Борей? Имеет ли это какую-то связь с загадочным человеком-бабочкой? И, главное, что теперь делать ему, Леониду?

Докурив, он вернулся в коридор хирургического отделения и опустился на продавленный диван. Сидеть здесь было крайне некомфортно – даже в халате. Вроде бы он находился в своём медицинском мире, но при этом сейчас был в нём чужаком. Не доктором, а тревожным родственником, одним из многих, обивающих пороги реанимационных отделений в надежде на кратковременное свидание и какие-либо новости.

Из дверей отделения выглянул Гена-Жора и бесцеремонно поманил пальцем.

2. Леонид не знал, что выглядело хуже: бледный как простыня Борис, чья шея полностью была скрыта повязками, из которых маленькими змейками выглядывали дренажи, или вымученная улыбка, появившаяся на его лице при виде младшего брата. Напротив койки сидел незнакомый Леониду невзрачный мужчина в штатском. Больше на отделении не было никого. Остальные одиннадцать коек грустно смотрели в потолок накрахмаленными простынями, скучая в ожидании пациентов. Доктор пожелал койкам, как можно дольше пребывать в таком состоянии.

– У вас же не кормят нормально. Я ... похудею! – слабым голосом пошутил Боря. – Сорок лет трудов – коту под хвост!

– Как поправишься – за неделю наверстаешь. Я-то тебя знаю! – искусственно бодро парировал Леонид и уселся на койку рядом с братом.

– Если поправлюсь, – мрачно парировал Боря и поманил Леонида к себе поближе:

– Тебя ещё следователь не дёргал? – почему-то шёпотом спросил Боря. Леонид покачал головой: – Я боюсь, они там Пашку замордуют! Идеальный кандидат в убийцы...

– То есть это не он? – честно признаться, эта мысль посещала Леонида, как наиболее логичная. И при этом глупая. Проверить для шефа кабинку, впустить того внутрь, быстро воткнуть в шею нечто острое, выйти и через какое-то время выбить дверь. Логично. Очень глупо.

Брат покачал головой и одними губами ответил:

– Лёнь, это была та же хрень, что я видел в самолёте.

Худшее опасение оправдалось.

– С крыльшками? – тупо переспросил Леонид, чувствуя, как у него начинает стучать в висках.

Боря кивнул и вытащив из-под простыни руку, ухватился за плечо брата.

– Я сейчас всё расскажу, – зашептал он.

...Борис спокойно ел, когда какая-то тень, мелькнувшая за окном ресторана привлекла его внимание. Он поднял голову и с трудом удержался от крика. Тот же самый нелепый мужик с крыльями за спиной, привидевшийся ему в самолёте, стоял на улице и в упор

смотрел на него. Яркие крылья были аккуратно сложены за спиной и еле-еле торчали из-под сутулых, обтянутых потёртой кожей, плеч.

– Я испугался... Лёнь, мне в жизни не было так страшно, – продолжал шептать брат. – Глаза отвёл, потом снова посмотрел – а он мне улыбнулся. И я смотрю – люди мимо него проходят, чуть было не врежаясь, словно и нет там никого за стеклом. А он всё улыбается. Жутко так. Я запаниковал, живот, как это обычно у меня бывает, прихватило. Я бегом в туалет. Дверь закрыл, воду пустил, сижу, дышу, чувствую отпускает. Думаю – тебе звонить или сразу в психушку ехать. И тут прямо передо мной из ниоткуда эта тварь возникает, а изо рта у неё торчит такой... – Борю всего передёрнуло от ужаса и отвращения, – как хоботок...

Леонид взял брата за трясущуюся руку, тот благодарно вцепился в неё изо всех сил.

– Я даже закричать не успел, он сразу в меня вцепился, в шею! И знаешь, сильно больно не было. Голова закружилась, что-то тёплое потекло, я начал куда-то проваливаться. А потом он отбросил меня в сторону и исчез.

– Исчез?

– Да, так же как появился. Лёня. Вот только тогда я закричал, начал падать, сорвал рулон со стены, зажал шею... – в глазах брата появилось испуганно-умоляющее выражение: – Я не вру. Ты мне веришь?

Леонид кивнул. Он действительно верил брату. И главное, появилось хоть какое-то понимание. Какая-та невозможная тварь открыла охоту на тех, кто был ему дорог.

– Я верю, Борь. Верю. Всё будет хорошо! – Леонид сжал руку брата, тот покачал головой:

– Оно возникло из ниоткуда, Лёнь! Никто его не видел. Что ему помешает здесь закончить дело? – брат заозирался по сторонам. – Может она уже сейчас здесь... ждёт меня...

– Леонид Николаевич! – раздался над ухом высокий, даже несколько писклявый голос. У койки стоял плешивый мужчина лет сорока, с красными округлыми щёчками и сальными, глубоко посаженными глазами, спрятанными за мутными стёклами небольших элегантных очков, выглядящих совершенно ни к месту на этом лице. Волос на голове незнакомца было совсем мало, и они неопрятными зарослями окружали огромную плешь. В руке непонятный человек держал кожаный портфель – старый, коричневый, с отломанной застёжкой.

Поймав взгляд Леонида, визитёр скороговоркой представился и даже щёлкнул перед носом доктора какой-то корочкой, да с такой быстротой, что разобрать что-либо было абсолютно невозможно:

– Горунов Пётр Алексеевич. Попрошу вас на время оставить брата и подождать в коридоре.

Леонид покосился на Бориса. Тот удивлённо смотрел на оперативника:

– А где Андрей Иванович? – недоумевая спросил старший брат.

– Я теперь занимаюсь вашим делом, – отрезал плешивый. – Леонид Николаевич, соблаговолите выйти в коридор и подождать там. Мне надо обсудить с вашим братом некоторые детали.

– Но... – запротестовал Леонид. Ему безумно не хотелось оставлять Борю с непонятным и неизвестным тому типом.

– Леонид Николаевич! – уже с явным недовольством в голове повторил плешивый и, ухватив доктора за плечи с какой-то совершенно фантастической силой оторвал его от койки. – Не мешайте следствию! Выйдете по-хорошему!

Следует заметить, что охранник, дежуривший у брата, абсолютно проигнорировал

появление странного мужчины и продолжал таращиться в окно.

Леонид задёргался, пытаясь освободиться от захвата маленьких, но поразительно сильных ручек.

– Лёнь, выйди! – вмешался брат, приподнимаясь на койке. – Не обострай!

Нервно пожав плечами, Леонид вышел в коридор. В дверях он оглянулся. Назвавшийся Петром Алексеевичем мужчина о чём-то беседовал с братом, медсестра на посту с любопытством наблюдала за происходящим, охранник всё так же изучал ночную темень за стеклом.

3. Выйдя в коридор, Леонид поёжился и вернулся к двери, намереваясь понаблюдать в щёлку за происходом, но не успел – из отделения вышел охранник и не говоря ни слова целенаправленно направился к лестнице.

Сзади раздались громкие шаги и смех. По коридору улыбаясь шли Фёдор Алексеевич и Гена-Жора, возвращаясь, судя по всему, из курилки.

– Лёнь, – окликнул доктора хирург. – Я, конечно, твоему брату всё ещё не раз объясню, но и ты, пожалуйста, прокомпостируй ему мозги хорошенько про технику безопасности.

– Я, кстати, придумал твоему брату прозвище, надеюсь ты не обидишься, – радостно заявил Гена-Жора. – «Демон-парикмахер с Уолт-стрит»! Что скажешь?

Леонид открыл рот, затем закрыл его.

Увидев непонимания в глазах собеседника, Гена-Жора разочарованно начал объяснять:

– Фильм такой был, помнишь? С Деппом. Про мужика, который глотки резал. Понял теперь? Про Уолт-стрит тоже объяснять надо?

– Отстань от парня! – включился в разговор Федор Алексеевич. – Не видишь разве, ему не до твоих шуток! Но, Лёнь, серьёзно, объясни брату, что в 21 веке бриться опасной бритвой – не просто идиотизм, а смертельно опасный идиотизм. Мужик стоит как четверть института, а пользуется дедовой бритвой! Ну что за...

Леонид не дослушал, он рванул в отделение. Петр Алексеевич отсутствовал. Как он успел проскользнуть за спиной Леонида, за ту минуту, пока тот общался с коллегами, было совершенно непонятно. Брат, к счастью, был на месте и выглядел в миллион раз лучше, чем ещё недавно.

Лицо приобрели практически здоровый цвет, из глаз ушёл ужас.

– Всё-таки я идиот, – улыбаясь, сказал Леониду Боря. – Но, что у меня не отнять, поразительно удачливый идиот. Сколько раз ты говорил мне купить нормальный станок... – брат смущённо попытался пожать плечами, но повязка не дала ему это сделать.

– Станок? – повторил Леонид, оглядываясь по сторонам, пытаясь понять куда же делся плешивый и одновременно подмечая, что медсестра на посту спит без задних ног.

Брат моргнул:

– Тебе разве не объяснили? – удивился он. – Я дедушкиной бритвой чуть себе голову не отрезал. Это, кстати, ты накаркал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5a4>